

Александр Александрович Тамоников

Ритуал возмездия

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162634
Ритуал возмездия: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-18146-6*

Аннотация

Майор спецназа ФСБ Дмитрий Горелов знал твердо, что боевыми операциями в Чечне сыт по горло. Но оказалось, что и в мирной жизни отдыха ему не видать. В подмосковной деревне бандиты сожгли дом его друга – «афганца» вместе с хозяином, и майор поклялся, что это преступление не останется безнаказанным. Значит, теперь для него война продолжается, только эта война с отморозками, а он сам себе будет и командир, и личный состав, и боевая техника в одном лице. Правда, есть одно препятствие – пока майор не знает, кто противник. Но узнает, обязательно узнает, даже если ему придется убить не один десяток бандитов, которые мешаются у него под ногами...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	44
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Тамоников

Ритуал возмездия

*Он сквозь оптический прицел
Умел предсказывать судьбу ...*
Григорий Стернин

Часть первая

Глава 1

Подмосковье, деревня Хапово,

12 мая 2002 г.

Прихода незваных гостей в воскресенье в семье Кораблевых не ожидали. То, что к ним заявятся люди, скупившие почти все дома их деревни, тайны не составляло, но чтобы в выходной день и вечером? Этого не ждали.

Хозяйка дома Зинаида Петровна занималась по хозяйству. Дочь Ольга, после развода с мужем переехавшая в деревню, сидела на диване за книгой. Сын Костя, инвалид-афганец, лишившийся ног на склонах проклятого Гиндукуша, в своей коляске у печи вырезал из дерева очередную статуэтку из числа заполнивших весь дом деревянных фигурок. Под волнующие душу песни «Голубых беретов», звучавших с пленки старого магнитофона.

Другими словами, вечер проходил обычно, до тех пор, пока во дворе не залаял Кулак – собака неизвестной породы с обвислыми ушами и мохнатой мордой. Совершенно безвредный, но голосистый пес. Таких собак в обиходе называют звонками. Он-то и подал первый сигнал. За ним прозвучал звонок с улицы, от калитки.

– Кого еще там черт принес? – пробурчал Костя и перевел свой полупьяный взгляд на сестру. – Опять твой бывший муженек приперся? Ты ему, Ольга, скажи, развелись – мандец! Не хрена сюда таскаться! А то я его из отцовского дробовика свинцом вдосталь угощу, козла безрогого! Он ведь жизнь тебе сломал, сестра? А ты привечаешь его. Были бы у меня ноги, появился бы он тут! Ты поняла меня?

Сестра промолчала, вышла в сени, накинув на плечи пуховый платок.

Вскоре возвратилась, ведя следом прилично одетого молодого человека, при галстуке, в модном и дорогом костюме, с кожаной папкой в руке.

– Вот и к нам пришли, – сказала Ольга и предложила молодому человеку: – Проходите, Виталий. Мама! Тут человек приехал насчет дома.

Костя отбросил резак и болванку на диван, резко развернулся в инвалидном кресле.

Гость поздоровался и представился:

– Добрый вечер! Я – Жаворонков Виталий Сергеевич, менеджер агентства по работе с недвижимостью «Успех»!

– Кто, ты сказал? Менеджер? – спросил Костя. – Это что еще за профессия? Агент, что ли?

– Ну, если вам так угодно, то агент! – не стал вступать в перепалку Жаворонков, видя агрессивную настроенность сына-инвалида.

– И чего тебе надо, агент? – зло глядя на этого лощеного типа, спросил Костя.

– Я отвечу на вопрос, но будет лучше, если вся семья примет участие в обсуждении того предложения, которое я уполномочен агентством сделать вам!

– А здесь она, семья-то. Мать!

– Да, Костя!

– Иди в комнату, обсуждать предложение агента по недвижимости будем.

– Иду, иду!

Зинаида Петровна вошла в главную комнату, вытирая мокрые от мытья посуды руки поношенным передником.

– Вот и я. А вы Виталий?..

– Виталий Сергеевич!

– Вы, Виталий Сергеевич, проходите к столу. Присаживайтесь, я сейчас и чайку заварю.

– Мать! – остановил ее сын. – Ты хочешь этого хлыща чаем угощать? Он же пришел, чтобы дом наш отнять!

– Ну зачем же так, извините, не знаю вашего отчества, Константин ...

– Константин Владимирович, бывший старшина разведывательной роты отдельной бригады ВДВ спецназа, кавалер двух орденов Красной Звезды, ныне инвалид первой группы, ясно, агент? Ольга! – приказал Костя, представившись. – Налей мне стакан чемир-гезу!

– Потерпишь, Костя! – отказала было сестра, но брат повысил голос:

– Я сказал – налей, значит, налей! Иначе вообще никакого базара не будет!

Сестра, прекрасно зная характер брата, поднесла ему наполовину наполненный мутным самогоном граненый стакан. Костя выпил, не поморщившись, одним глотком. Достал пачку «Примы», спички, прикурил и сказал, словно отрезав:

– Никакого чаю! Выкладывай, агент, с чем пришел?

– Хорошо! Вы знаете, что вся деревня, кроме вашей семьи, поменяла на квартиры или продала свои дома. На этом месте запланировано строительство усадьбы частного лица. Но без добровольной, я повторяю, добровольной, и далеко не бескорыстной передачи своих владений жильцами данной местности этого не сделать. Ваши соседи поняли, что наше агентство предложило неплохие условия либо обмена, либо продажи своих жилищ. И сделки с ними уже завершены! Люди переехали в благоустроенные квартиры ближайшего райцентра. Или получили ту цену, которая значительно превышала истинную рыночную стоимость старых домов!

– Ты, агент, бакланить – мастер, базара нет! Только знаешь, что я тебе скажу? Мы отдадим свой дом при одном условии.

– Я внимательно слушаю вас, – менеджер открыл папку.

Костя продолжил:

– На том условии, что твоя фирма построит нам такой же дом, как этот, но здесь в деревне, у кладбища! Он не будет мешать ни строительству, ни новому хозяину, а мать, да и мы рядом с отцом будем! Понял? Другого базара не будет! Ни «бабки» твои, ни «хрущоба» в райцентре нам не нужны! Передай своим начальникам мои слова, они – кремень!

Менеджер вздохнул. Закрыв папку, обратился к матери:

– Зинаида Петровна, вы как полноправная хозяйка дома поддерживаете позицию сына?

– Да! – тихо, но твердо ответила пожилая женщина.

– Боюсь, такой вариант не устроит мое руководство, но я доведу до них ваше условие. А вообще-то, поверьте мне, очень жаль! И непонятно, почему люди отказываются от луч-

ших условий, которые им чуть ли не на блюдечке подносят? Ведь вы же, Ольга, – обратился Жаворонков к сестре, – еще молоды, и не скрою, весьма привлекательны. Почему обрекаете себя на одиночество? Вам просто необходимо общение, да и Константину Владимировичу оно не помешало бы. Он в райцентре наверняка встретил бы мужчин, прошедших Афганистан, появились бы общие интересы. А тут даже для больной матери «Скорой помощи» не вызвать! Ну, перенесут строительство немного в сторону, представляете, что здесь начнется? Покоя не будет ни днем, ни ночью. Не понимаю! Хотел бы, но не могу.

– Агент, – сказал Костя, – валил бы ты отсюда, коль такой непонятливый. А в дела наши не лезь, своими занимайся! Иди, тебе все ясно объяснили!

– Ну что ж, мне остается раскланяться. Вы проводите меня, Ольга?

– Ольга! – прикрикнул на сестру брат. – Сиди, где сидишь, агент не в лесу, дорогу и один найдет.

– Но на дворе собака, – высказал опасение Жаворонков.

– Иди, не ссы! Таких, как ты, она не кусает, боится отравиться, наверное. Шутка! Собака безвредная, побрешет, но не тронет. Прощевай, агент!

– Прощайте, господа Кораблевы, прощайте!

Молодой человек вышел через сени во двор, не обращая никакого внимания на прыгающего возле ног лающего пса, вышел на улицу. Сплюнул на калитку, сел в джип.

Дом возле кладбища захотели?

Будет вам кладбище, дождетесь, ублюдки!

Через час Виталий был в Москве. В баре на Арбате дождался знакомую танцовщицу, с ней поехал к себе домой, прикупив по дороге шампанского. Его ждала бурная развратная ночь. О семье Кораблевых он уже не думал, навсегда вычеркнув ее из своей жизни.

Утром, когда он появился в конторе, первым вопросом, заданным Сагия – главой агентства, был такой:

– Ты был вчера в Хапово?

– Да, шеф!

– И что? Привез подписанные бумаги?

– Понимаете ...

И менеджер подробно передал разговор с семьей Кораблевых.

– Так! – проговорил Сагия. – Плохо, Виталик, работать стал, вот что я тебе скажу. У тебя в голове не дело, а проститутки!

– Но... Петр Гурамович!

– Никаких «но», пшел в общий отдел! Меняй «хрущобы»! На большее ты оказался неспособным. Иди, я сказал! – повысил голос Сагия, пресекая попытки подчиненного оправдаться.

Сам же глава агентства прошел в свой кабинет, набрал по сотовому телефону знакомый номер:

– Карэн? Это Сагия!

– Ну?

– С последней семьей из деревни ничего не вышло. Противятся, слушать ничего не хотят, даже собственный разум. Ставят условие, чтобы дом им поставить возле кладбища!

– Откуда у этого быдла разум! Привыкли, мать иху, в навозе копаться. Но меня, Петя, это не касается. Через неделю строительство усадьбы должно начаться. В Хапово буду жить я один! Мне плевать, как ты решишь проблему с этим инвалидным семейством, но к следующему понедельнику их там не должно быть! Иначе ты, брат, попадешь так круто, что я тебе не завидую. Посмотри договор между твоей фирмой и строительной компанией. Какие там предусмотрены санкции в случае невыполнения одной из сторон взятых на себя обязательств? И это только официальный документ! Тебе же, дорогой, за слова придется еще

ответить. Тебя за язык никто не тянул, когда ты мне это Хапово подсунул! Так что, смотри, Петя, дружба дружбой, но спрос с тебя будет по полной программе! Эти Кораблевы домик возле кладбища у тебя просили? Так устрой им жилье, только за забором, где-нибудь под ветлой! Это, конечно, шутка, но мой тебе совет, Петя, реши эту проблему. Мне не хотелось бы поступать с тобой жестоко. Все! У меня дела.

Карэн отключился.

Сагия вытер внезапно вспотевший лоб.

Он ударил кулаком по столу, налил рюмку бренди, опрокинул в себя.

И дернул его черт месяц назад в сауне предложить под строительство усадьбы Карэна эту деревню, где он начал весьма удачно скупать за бесценок целые угодья. Думал, и дальше дело пойдет без проблем. Хотел бабки сорвать при перепродаже. Сорвал! И все из-за каких-то трех уродов, не пожелавших покинуть свою развалюху! Ну что же, Карэн не зря про кладбище упоминал. Придется, на самом деле, применять кардинальные меры. Время еще есть! Сегодня только понедельник, у него в запасе целая неделя. Он вновь взял телефон, набрал номер:

– Богдан? Привет, Сагия беспокоит.

– Слушаю тебя.

– Встретиться бы надо.

– Дело?

– Да!

– Ты знаешь, где можешь меня вечером найти. Приезжай, поговорим за стаканчиком доброго кавказского вина. Обсудим твою проблему.

– Хорошо, в семь буду у тебя.

– Хоп, брат, жду!

Двое суток спустя, вторник, 14 мая

Костя в этот вечер выпил больше обычного. И для этого был повод. Утром из военкомата приезжал подполковник, привез Константину Кораблеву направление в реабилитационный центр инвалидов локальных войн и сообщил, что завтра за ним прибудет автомобиль, который и доставит Костю в центр. На месяц ему предстояло покинуть свой дом. Ну как не обмыть подобное событие? Там, в центре, он наверняка встретится с теми, кого знал по Афгану. И мать с сестрой были рады.

Пусть хоть немного отойдет Костя, у которого в последнее время обострилась агрессивность. На всех без разбора кидался, включая собственных родных. Он плохо спал, был раздражен. Еще приход этого менеджера со своим предложением подлил масла в огонь.

В другое время Костя, возможно, и подумал бы о переезде, все же удобства в квартире для него немалое дело. Да и Ольга устроилась бы на работу, все лишняя прибавка в худой бюджет семьи. Но теперь в присутствии Кости ни о каком соглашении с агентством, кроме выдвинутых им же условий – постройки нового дома за пределами деревни, у кладбища, – не могло быть и речи! Костя уперся так, что ничто не могло заставить его изменить решение. Как упирался в далеком Афгане, приняв решение умереть, но позиции врагу не сдавать!

А вот уедет в реабилитационный центр, тогда можно будет и договориться с агентством, а позже и с Костей. Побудет тот среди равных себе, пить бросит, помягчает душой, согласится. А менеджер еще придет! Вон соседа неделю обхаживали!

Раз им нужна земля, придет обязательно!

Костя допивал остатки бутылки, вслух вспоминая свои приключения в далекой чужой стране. Ольга помогала матери собирать его вещи, когда с улицы послышался звук приближающегося со стороны города автомобиля.

– Неужели опять агент? – тихо, чтобы не слышал Костя, проговорила, обращаясь к дочери, мать.

– Да вроде больше и некому, и не к кому! Одни мы в деревне! – ответила так же тихо дочь.

Костя, уйдя в воспоминания, не слушал того, что происходит вокруг, мысленно находясь на перевале Саланг, где однажды чуть было не сорвался в пропасть.

Мать проинструктировала дочь:

– Ты вот что, Оля. Выйди к машине, скажи менеджеру, пусть приезжает завтра к обеду. Все и решим!

– Хорошо, мама!

– Только, дочь, не надо, чтобы он сейчас встретился с Костей, не нужен лишний скандал.

– Я все поняла, мама!

– Ну иди, с богом, дочка.

В это время тонированный джип остановился у калитки дома Кораблевых.

Ольга вышла в сени. Приоткрыла дверь, надевая калоши, и... замерла от невероятности увиденного.

Во двор вошли три человека в черных одеяниях, в масках, с короткими дубинками в руках.

Кулак с лаем бросился к незнакомцам, но раздался хлопок, и пес уткнулся открытой пастью в песок, засучив лапами. Ольга на мгновение окаменела. Дрожь ударом тока пробила тело. А неизвестные приближались. Двое шли к крыльцу, один пошел в обход дома, на внутренний двор.

Ольга метнулась в дом, закрыв за собой дверь на щеколду.

– Мама, мама... там люди в масках. Они Кулака убили. У них пистолеты с глушителями, мама! Нас убивать пришли ...

– Быстро дай мне ружье, Ольга! И всем в погреб, ну, живо! – неожиданно трезвым голосом приказал сын.

Сестра бросилась в спальню, где на коврике висело заряженное дробью двуствольное ружье и патронташ, полный патронов. Но Ольга не успела доставить оружие брату, а мать – спрятаться.

Дверь комнаты распахнулась от сильного удара кованого сапога, и в комнате раздался голос:

– Ну что, голубки, доигрались? Чего уставился, калека? А где, мамаша, доченька твоя?

Ольга слушала эту речь с ружьем в руках, у которого были взведены курки, направив горизонтальные стволы на ширму дверного проема, не в силах что-либо предпринять.

Зинаида Петровна ничего не ответила бандиту. Встав, загородила собой сына.

– Кто вы и что вам нужно?

– Совсем немного! Вы подписываете нужные нам документы, мы уходим. Завтра вас вывезут к новому месту жительства. Вот и все дела!

– А хрен вгрызлось ты не хочешь? – с трудом выкатившись на коляске из-за спины матери, крикнул Костя. – Сними маску, рожу открой, Фантомас! От кого прячешься, козел?

Неизвестный, что первым вошел в комнату и вел разговор, оттолкнув мать на диван, подошел к Косте, сильным ударом в челюсть опрокинул его вместе с коляской на пол.

– Лежи, обрубок, и пасть закрой!

Зинаида Петровна бросилась к сыну, но получила встречный удар дубинкой в солнечное сплетение, заставивший ее свернуться от боли у дивана.

– Удавлю, твари! – закричал Костя.

– Да ты так ничего и не понял, урод? – Незнакомец вновь подошел к беспомощному Косте, дубинкой ударил по лицу, разбивая нос, губы, ломая челюсть и выбивая зубы.

Кровь хлынула из рваных ран.

Незнакомец, что явно был главарем банды, осмотрелся:

– Затихли, скоты? А теперь пять минут на размышление: подписывать бумаги или отправляться в мир иной! Для вас, червей, третьего варианта не предусмотрено!

– Богдан, где все же сестренка этого обрубка? – вспомнив о молодой женщине, спросил второй человек в маске, до сих пор только стоящий у входа.

– Куда ей деваться? Сидит где-нибудь за сундуком. Иди глянь в комнату, – указал Богдан на ширму, за которой стояла, дрожа, как лист на ветру, Ольга.

Услышав приказ бандита, она напряглась, ее пальцы непроизвольно легли на спусковые крючки ружья.

Но второй входить не спешил, он обратился к начальнику:

– Богдан! Если эта сучка там, я трахну ее? И эти быстрее думать будут под ее вопли, а?

– Я тебя так трахну, яйца с потолка снимать будешь! Тащи ее сюда!

Мать, набравшись сил, крикнула:

– Беги, Оля, беги!

Дочь оглянулась на окно, ведущее в сад, Не успеть ей сейчас скрыться, времени не хватит.

Ширма упала, сорванная грубой мужской рукой.

И Ольга нажала на спусковые крючки.

Дробь двух стволов кучно ударила бандита прямо в лицо, отбросив того обратно в комнату. Лицо мгновенно превратилось в кровавое месиво. Богдан тут же упал на пол, выхватил пистолет с длинным глушителем, трижды выстрелил в комнату. Пули вонзились в бревна стены, когда Ольга, выбив раму, вывалилась в окно. Этот грохот с торца и крик Богдана: «Малыш! Вали суку на улице!» – на мгновение застали врасплох не ожидающего подобной развязки третьего бандита на внутреннем дворе.

Это мгновение и позволило женщине ворваться в кусты малины и перескочить через невысокий забор. Ольга не слышала выстрелы, лишь где-то рядом звонко пропели свою смертельную песню пули.

Бросившийся следом бандит, с погонялом Малыш, не видел убегающей женщины, но слышал хруст валежника и стрелял на этот звук. Малыш не знал местности, поэтому через несколько секунд влетел в яму.

Он не почувствовал боли, только с удивлением посмотрел на грудь, пробитую насквозь крепким суком лежащего в яме сломленного молнией дерева.

Так, с удивлением в остановившемся взоре, он и умер, вися на суку.

Ольга между тем продолжала углубляться в лес, пока не упала в траву от бессилия. Шума погони за собой она не слышала.

На ружейные выстрелы выскочил из джипа и вбежал в дом водитель.

– Что здесь, Богдан? Ух ты! – вырвалось у него, когда он увидел расстрелянное в упор тело подельника. – Кто это Кота так разделал, Богдан?

– Кто, кто, хрен в пальто! Сестра сука из комнаты с двух стволов ввалила Коту! Сама в лес ломанулась, Малыш следом пошел! Но что-то долго они бегают! Ты давай посмотри там, что за дела. Далеко баба убежать не могла. Найди их и возвращайтесь, здесь дела заканчивать будем!

– В какую сторону идти-то?

– Она с торца в кусты шмыгнула, значит, в ту сторону и побежала. Давай, Ден, давай, ищите с Малышом эту сучку!

Костя сумел перевернуться на спину, прошамкал разбитым ртом:

– Ну что, пидоры, взяли Кораблевых? С бабой и калекой справиться не можете, вояки! Ух, попались бы вы мне в Афгане! Разделал бы я вас, петухов позорных! Несколькими очередями сделал бы!

Богдан подошел к Константину.

– Разделал бы, говоришь, обрубок? Ну-ну! Подожди немного, я вашей вшивой семейке сюрприз под конец преподнесу. Такой сюрприз, что вззоете не своим голосом, пожалеете, что на свет появились!

В это время вернулся Ден. Был он бледен.

– Ну что, – спросил Богдан, – нашел кого?

– Нашел, Богдан! Там в канаве, метрах в трехстах отсюда, Малыш на бревне «висит»!

– Что?! На каком бревне? И что значит «висит»?

– В канаве дерево поваленное и сук. На него в спешке, видно, и налетел Малыш. Так и висит, пробитый насквозь!

– О-ха-ха-ха, – зашелся в смехе Костя, – вояки безмозглые! Молодец, сестренка, заманила отморозка на бревно! Теперь ее хрен взять! А вот вам, козлам, конец! Не жить вам! Это я говорю, а глаз у меня черный! Страшной смертью подыхать будете, особенно ты, Богдан. Помяни тогда мое слово!

– Заткнись, тварь! Ден, тащи в тачку Кота, за ним Малыша, собаку вместе с цепью не забудь, в ней пули. Затем готовь запал. Устроим этим получеловекам разборку по законам святой инквизиции.

Через час, когда трупы бандитов были уложены в багажное отделение джипа, а дом обильно облит бензином, Богдан приказал:

– Давай, Ден, сюда пропановый баллон. Обойди халупу, закрой ставни, двери!

Бандит выполнил приказание главаря. Богдан приоткрыл баллон. Зашипел газ.

– Черный глаз у тебя, говоришь, обрубок? Значит, ты колдун? А что делали раньше с колдунами? Правильно, сжигали живьем! Так отведай этого удовольствия со своей не промытой матерью!

Богдан вышел во двор, чиркнул спичкой, бросил ее на крыльцо.

Дом сразу же взялся огнем со всех сторон. Бензина бандиты не пожалели.

Богдан стоял у джипа и смотрел на разгорающееся пламя. Он всегда любил огонь.

А внутри дома, задыхаясь в дыму, мать пыталась подтащить сына к окну и выбить ставни табуретом.

– Мама! Брось! Ставни не выбить, на совесть отец их делал. Иди ко мне, умрем вместе!

– Костя, как же это?

– Вот так, мама! Ты прости, это все из-за меня. Знать бы, что эти нелюди способны на ТАКОЕ, все даром отдал, лишь бы ты жила! Но я не знал, думал, понтуется этот ублюдок, а видишь, как вышло. Прости!

– Ну что ты, сыночек! Это ты меня прости, коли что не так в жизни было.

– Эх, если бы...

Сильный взрыв не дал договорить бывшему старшине ВДВ, кавалеру двух боевых орденов. Крыша обрушилась, похоронив под собой обнявшихся перед смертью мать и сына.

Глава 2

Москва, 14 мая 2002 г

Москва встретила Дмитрия Горелова, майора специального подразделения ФСБ, бывшего из Чечни, неприятливо. Шел нудный, затяжной, совсем не летний дождь, а насыщенный изморосью ветер пронизывал перроны даже через толпы пассажиров, высыпавших из поезда «Ростов-на-Дону – Москва».

Выйдя из вагона, одетый в легкую кожаную куртку Дима поежился. Не было обычного для этого времени года тепла, как не было и желания встречи с теперь уже бывшей супругой Галиной, в отличие от прежних его приездов на родину. Сейчас ему была противна всегда ранее такая долгожданная встреча.

Ожидая, пока толпа схлынет, майор Горелов думал, как ему поступить.

Ну, что в первую очередь необходимо сбросить кейс с секретной документацией в здание на Лубянке, это понятно. Что потом? Сразу к Галине, чего ему так не хотелось, или к матери? Единственному теперь родному человеку во всем мире.

Отец умер через год после его, Дмитрия, рождения.

Понятно, что Дима его не помнил. Так и рос под присмотром матери, в принципе, предоставленный самому себе.

Горелов задумался, стоя в стороне от двери вагона.

Учился он нормально, но примерным поведением никогда не отличался. Иногда прогуливал уроки, особенно по ненавистным и непонятным ему предметам – химии и иностранному языку, за что получал свое от матери! Вечером рвался на улицу, к ребятам своего квартала. С ними бродил по улицам, вылавливая иногда чужаков с квартала через проспект. Тогда территория была поделена, и чужакам появляться не в своем районе, особенно в темное время, было небезопасно. Часто вспыхивали мальчишеские драки, в которые Горелов рвался первым. Он умел и любил драться. Еще с детства. Он вспомнил, как на школьном вечере пригласил на танец красавицу Таню Ростову и... ему повезло, на что он и не рассчитывал. Татьяна приняла приглашение, и весь вечер они провели вместе под завистливые взгляды друзей и соперников. Но вечер закончился, и Дима как настоящий кавалер должен был проводить даму сердца до дома, а жила Татьяна как раз в глубине того вражеского квартала за проспектом.

Отказаться означало упасть в глазах и друзей, и врагов, и, что более важно, в глазах красавицы Татьяны, с которой, как тогда показалось наивному Диме, начались отношения, волнующие сердце. Идти же на чужую территорию означало неминуемо быть битым! Дмитрий, естественно, выбрал второй вариант и проводил Таню до подъезда. Она поцеловала его в щеку, и счастливый пятнадцатилетний Дима Горелов пошел обратно.

Местные пацаны дали проводить девушку и встретили Дмитрия у детского садика. Гурьбой, человек в десять!

Сейчас он уже и не помнил, с чего начался разговор, тем более что длился он недолго. Затем вышел их центровой, Паша-Гиря.

Тогда еще не было принято избивать одного толпой, как и бить лежачего. Поэтому Гиря и предложил Диме стычку один на один. Пришлось соглашаться, хотя условия схватки были изначально неравными. Гиря был старше года на два и здоровее Димы. Но против закона улицы не пойдешь. Его следовало выполнять, чтобы не прослыть трусом.

Более подвижный, владеющий приличным ударом Дима закружил Гирю. И еще неизвестно, чем закончилась бы схватка, если бы в нее не вмешался молодой мужчина, проходив-

ший мимо. Он властным голосом приказал прекратить драку, что вызвало неудовольствие и агрессию со стороны кодлы Паши. Та пошла на мужчину, который для начала двумя несильными, но выверенными болезненными ударами развел согнувшихся пополам Диму и Гирю. Затем встретил толпу. Горелов не видел, как и что делал незнакомец, только когда отдышался от тычка в солнечное сплетение, ни Паши-Гири, ни его пацанов поблизости уже не было. Лишь молодой человек стоял в стороне и смотрел, как Дима приходит в себя. Когда Горелов наконец выпрямился, незнакомец спросил:

– Как тебя зовут, парень?

– Дима!

– Девушку провожал?

– Ну и что? Вам-то какое дело?

– Ты знал, что тебя встретят по возвращении ребята с этой улицы?

– Знал, конечно!

– И все равно пошел сюда?

– Пошел!

– Идем, я провожу тебя до проспекта.

– Я в провожатых не нуждаюсь!

– Ты, Дима, не ершишь! Мне есть что предложить тебе.

Когда они расстались, Горелов держал в руке листок, вырванный из записной книжки, в котором мелким почерком был записан адрес. Адрес секции самбо! Молодой человек по имени Аркадий оказался тренером этой секции.

Продолжения отношений с Таней не состоялось. Себялюбивая красавица не считала нужным дальше встречаться с Димой. Чего он никак не ожидал. Но Татьяна открыто сказала, что он не в ее вкусе, и попросила оставить ее в покое.

Как Дима тогда переживал! Казалось, жизнь кончилась. Но он пересилил себя, и к этой кукле больше ни разу не подошел. Он пошел в секцию, где после нескольких занятий так втянулся в тот мир спорта, который не знал ранее, что все свободное время проводил в спортзале. Наряду с самбо он занимался и боксом. У него получалось все. Горелову словно было предназначено стать бойцом, воином. За два последних школьных года по обоим видам спорта он из новичка вырос до кандидата в мастера. И сразу же после школы, по совету Аркадия, Дима поступил в воздушно-десантное училище, которое окончил с отличием.

Затем Горелов женился. И после училища лейтенантом был направлен в войсковую часть соседнего со столицей областного центра. Галя, супруга, коренная москвичка, последовала за ним, как и положено жене офицера. Но долго жить вдали от мамы, от Москвы, от привычного уюта не смогла. Нет, она не бросила все и не уехала самовольно. Отношения у них сложились нежно-влюбленные, не допускающие такого исхода. Просто он видел в ее глазах тщетно скрываемую тоску, видел ее беспомощность перед неблагоустроенностью офицерского общежития, к которой она так и не сумела приспособиться. Все это содействовало тому, что она все чаще стала уезжать к маме. Немаловажную роль в их жизни сыграли доводы Маргариты Петровны, ее матери. Они сводились к тому, что и Галеньке нужно получить высшее образование. В общем, супруга уехала в Москву, и это было общим решением. Дима дал свое согласие на это, веря в порядочность и верность своей любимой жены. Да и изменилось в целом немного. Галя приезжала к нему на каждые выходные и праздники. И эти встречи приносили Диме столько радости и счастья, что ему казалось, жить иначе невозможно. Что может быть прекрасней ожидания скорой встречи с любимой женщиной?

И Маргарита Петровна приветствовала такой образ их семейной жизни. Она считала себя женщиной мудрой и всегда твердила, что супругам просто необходимо на какое-то время расставаться, чтобы не надоест друг другу и не превратить счастье в обыденность. Хотя своего супруга, слабого и безвольного Геннадия Викторовича, держала при себе неот-

лучно. Вместе с собачонкой непонятной породы, Жулькой! Даже их статус, мужчины и собаки, в семье Маргариты Петровны был примерно равным, они были собственностью себялюбивой и властной женщины! Удивительным было то, в кого был у Гали мягкий, но не слабый, послушный, но полный достоинства характер?

Как он ошибался! Не замечал, не желал замечать того, что дочь была абсолютной копией своей матери, вела расчетливый, эгоистичный образ жизни, играя с ним, как с марионеткой из балагана, пользуясь его доверчивостью и порядочностью!

Но несмотря ни на что, служба и своеобразная семейная жизнь Димы Горелова продолжались. Он стал командиром роты.

И тут вспыхнула своим адским огнем война в Чечне.

Сколько же было пролито Галей слез, когда она в первый раз провожала его туда! Искренних, как казалось старшему лейтенанту, слез. Разве мог он подумать о том, как быстро высохнут они!

Он не думал об этом, веря, что жена страдает.

И как бы в подтверждение этому, такое же обилие слез, но уже от неподдельной, как опять-таки казалось офицеру, радости, когда он благополучно возвратился с войны.

Но Чечня вселила беспокойство в Маргариту Петровну. Во время застолья по случаю его возвращения она впервые заикнулась о том, что война и служба могут привести дорогого зятя к гибели, сделав ее дочь на всю жизнь несчастной. Поэтому она считает, что было бы совсем неплохо для блага самого же Дмитрия, чтобы он подал рапорт на увольнение. Маргарита Петровна даже побеспокоилась об их с Галенькой благополучии, понимая, как трудно будет Диме найти себя в этой новой для него жизни. Она присмотрела квартиру в центре города, на следующей неделе планируется совершение сделки, на ее, кстати, сбережения. А самому Горелову всемогущая теща пробила работу в «Газпроме». Придется, правда, в месяц две недели проводить на вахте, но это же не месяцы под пулями в Чечне? И зарплата! Такой зарплаты ему и генералом не получать! Опять-таки не нарушался режим их семейной жизни. Все то же короткое расставание, затем счастливая, долгожданная и безумная от любви встреча, к чему Дима с Галей уже привыкли.

Но все усилия оторвать Диму от армии оказались бесполезными. Как ни настаивали Галина с Маргаритой Петровной, Горелов рапорта об увольнении не подал, а вскоре стал офицером одного из самых элитных подразделений Федеральной службы безопасности, пройдя специальный, жесткий отбор и профессиональную переподготовку. О чем он, правда, жене словом не обмолвился, связанный строжайшими обязательствами. Командир парашютно-десантной роты капитан Горелов был назначен командиром диверсионно-штурмовой группы специального отряда особого назначения «Вихрь», в чью задачу входила борьба с терроризмом. Под те же фальшивые слезы своей «смирившейся» с обстоятельствами жены вместе с подразделением Горелов направился на Кавказ.

Занятый захлестнувшими его мыслями, Дмитрий не заметил, как схлынула толпа приехавших и встречающих людей. Он посмотрел на часы: 14–57!

Дмитрий перевел взгляд на опустевший перрон и мысленно увидел жену, которая всегда встречала его с охапкой цветов и счастливой улыбкой любящей женщины, дождавшейся мужа с войны.

Сегодня ее на перроне не было, и быть не могло! Горелов не предупредил о своем прибытии. Не предупредил сознательно, так как не хотел видеть здесь никого. Даже мать! С цветами, которые вызвали бы только раздражение.

Дима закурил очередную сигарету, мысли о жене вновь всколыхнули душу и вернули его в не такое уж и далекое прошлое.

Это сейчас Дима понимал, почему Галину устраивала такая жизнь, частью врозь, частью вместе. Ответ был прост. Жена давно имела мужчин на стороне, еще до свадьбы, как

и ее мать, всю жизнь наставлявшая рога своему Геннадию. Гале нужна была свобода, но и он был ей нужен как муж. Она, как и Маргарита Петровна, искренне не считала за измену связь с другими мужчинами. Это жизнь, и дается она один раз! Но при этом и семья должна быть сохранена. Брак – это святое! Белиберда какая-то. Жаль, что Горелов все это понял сравнительно недавно, когда тайное стало явью.

С чего началось его прозрение?

С той пятницы, полгода назад? Горелов, будучи на Кавказе, звонил супруге каждую пятницу, если, конечно, не находился на боевом выходе. С той проклятой пятницы, когда до трех утра не смог застать Галину ни по домашнему телефону, ни по сотовому номеру? И только в четвертом часу, продолжая непрерывный набор, услышал ее пьяный, веселый голос на фоне музыки и явно проступавшего из спальни густого мужского баритона? Он тогда не стал выслушивать путаные объяснения жены о какой-то там вечеринке и отключил связь. Ему не хотелось говорить с ней. Впервые в жизни! Может, это было оттого, что он вечером грузом «200» отправил в последний путь двух своих подчиненных и боевых друзей, погибших в тяжелейшем бою. В неравной схватке, которую пришлось выдержать группе Горелова буквально за день до той пятницы, нарвавшись на засаду «чехов» при возвращении с задания на основную базу. И этот контраст боли, которой хотел поделиться с Галиной Горелов, и пьяного веселья жены, находившейся в своем далеком и безопасном для нее мире, словно кинжал горца, резанул майору душу!

Или после письма матери, женщины бескомпромиссной и ненавидящей, как и Горелов, предательство в любой форме? Письма, которое ввело его в ступор? Мать сообщала, что она на днях навестила свою подругу по прежней работе, которой приходится подрабатывать в одном из ресторанов посудомойкой. И там, среди шумной толпы, ввалившейся в зал, она увидела жену Дмитрия, шедшую пьяной в открытом до неприличия, обтягивающем платье в обнимку с типом кавказской наружности. Тот, словно хозяин, распорядился в ресторане. А Галя все время лезла к нему целоваться.

Галя не могла видеть свекровь, и та с болью смотрела, как бесстыдно ведет себя всегда такая скромная в семье сноха. В то время, когда ее муж ходит по лезвию ножа в далекой Чечне. Матери стало плохо, и подруга проводила ее домой. Затем, навещая мать, подруга рассказывала, что Галина продолжает чуть ли не каждый вечер бывать в ресторане вместе с тем нерусским, которому холуем прислуживает директор.

Дмитрий знал, мать никогда не стала бы вмешиваться в семейные дела сына, если бы они не перешли грань допустимого и не вышли бы за пределы приличия. В письме было еще много чего, но новость о длительной связи его жены с другим мужчиной буквально сломила боевого капитана. У него произошел нервный срыв, который чуть было не закончился трагедией.

Получил он то письмо непосредственно перед выходом на боевое задание и на базе прочитать послание матери не смог, поэтому сделал это, находясь уже на рубеже действия, когда до штурма чеченского аула, куда втянулась крупная банда полевого командира Умара, оставались считанные часы.

И в бой он пошел, не пытаясь укрыться, прямо на пули, словно ждал, когда вражеская очередь сразит его! Шел, круша все на своем пути. Его тогда уложил на землю один из подчиненных, командир второй боевой двойки старший лейтенант Гена Короб. А ребята под командованием старшего лейтенанта Семенова завершили акцию, практически уничтожив отряд боевиков и взяв в живых Умара. Которого, не остановив Дмитрия Короб, Горелов непременно завалил бы, тем самым не выполнив задачу в полном объеме. Если бы сам не пал от рук чеченцев! Но, благодаря слаженности группы, подчиненные быстро поняли, что с командиром не порядок, и взяли бой на себя, изолировав Горелова для его же блага. Такое поведение капитана в бою осталось для командира отряда, подполковника Кириллова, неиз-

вестным, никто из ребят и словом не обмолвился, что Горелов сорвался. Ну а потом он взял себя в руки. Но мысль об измене терзала его, как лихорадка! Он и рад был бы не поверить матери, но, к несчастью, очень хорошо знал, что та никогда не лгала! Она даже не признавала ложь во спасение, считая ее более губительной, чем самая страшная правда. Ну а ночной телефонный звонок пусть косвенно, но подтвердил ее слова.

Долгими бессонными ночами во время вынужденного безделья Дима мучился вопросом: что же дальше? Как жить-то после всего этого? И... зачем? Он не мог понять, за что Галина так наказала его, любящего ее и всегда хранившего ей верность? За что отомстила так подло? И ответа не находил.

Ответ могла дать только сама супруга.

И капитан Горелов попросил отпуск.

Но как раз в это время отряд перебрасывали на юг, в горный район, для охоты на заслуживших себе громкую кровавую славу Кулан-Бека и Джуму-Бандита.

Ни о какой, даже кратковременной, отлучке в наступивших обстоятельствах не могло быть и речи. Тогда Дима вызвал супругу по сотовому телефону, в четверг. Он до сих пор помнит во всех подробностях тот разговор, объяснивший и решивший ВСЕ! И начал его Горелов.

– Привет, Галя!

– Это ты, любимый? Вот не ожидала! Сегодня же четверг, я ждала твоего звонка завтра, в пятницу, как всегда.

– Ты и очередного своего любовника любимым называешь? Или дорогим? Кисонькой? Или еще как?

Недолгое молчание, и уже совсем другой тон супруги:

– Вот ты о чем? Доложили доброжелатели, свекровь, что ли? Интересно, как ей удалось пронюхать об этом?

– Не трогай мать! Я тебя спросил, изволь ответить!

– Какого ответа ты ждешь? Что вообще ты хочешь услышать? Слова возмущения оклеветанной женщины? Признания в совершении ошибки, за которую я готова заплатить сполна? Слезы раскаяния? Мольбы о прощении? Что?

– Я хочу знать одно: почему и за что ты так подло предала меня, нашу любовь?

– Какие высокие слова! Только тебя никто не предавал. Могли же мы раньше жить так? Отчего сейчас у тебя возникли претензии?

– Как мы могли жить раньше?

– Свободно, раскованно, как живет большинство современных людей. Да, я имела мужчин во время наших коротких разлук, но и ты имел женщин!

Галина сориентировалась быстро и выбрала единственно правильную в ее положении тактику нападения как способ самозащиты.

– О чем ты говоришь, Галина? Каких женщин имел я?

– Ну, только не надо мне заливать, что не пользовался моим отсутствием и жил монахом, когда вокруг столько шлюх. Всяких молоденьких, холостых, разведенных, да и замужних, что особо не меняет дело, контрашек и вольнонаемниц! Но я понимала тебя и не обращала на это никакого внимания. Тебе тоже нужно разнообразие, которое лишь усилит тягу ко мне.

– Ты все это серьезно?

– Абсолютно.

– Какая же ты мразь.

– Вот как? Ну, раз я мразь, а ты один такой правильный, разговаривать дальше не имеет смысла.

– Готовься, я подам на развод!

– Это твое право! Что, нашел более темпераментную чеченку? Их там вы, наверное, имеете сколько захотите. Вы же сила!

Слушать ее бредни Горелов не стал, предупредив:

– Когда буду в Москве, завершим разговор.

– Ради бога!

И он отключил телефон. Внутри все кипело. От негодования, незаслуженной обиды и... от бессилия что-либо изменить.

И вот подвернулась командировка в Москву. Необходимо было доставить в Управление, в непосредственном подчинении которого находился отряд, проект нового штата, представленный подполковником Кирилловым. Подразделению требовалось усиление для действия в усложнившейся обстановке. Вышестоящее командование запросило обоснование требований командира отряда, и, составив его, Кириллов послал в столицу майора Горелова. Дав одновременно возможность навестить семью. О его проблемах командир не знал, Дима решил не посвящать в них подполковника, опасаясь, что тот, и это будет правильно с точки зрения боевой работы, отстранит командира группы от нее. Нельзя выводить на врага офицера, да еще руководителя автономного подразделения, полностью не заряженного на бой, тем самым подвергая огромному риску и его самого, и подчиненных. Горелов понимал это и целиком был согласен с такой постановкой вопроса, но и оставаться за пределами боевых действий не мог. Поэтому он не доложил командиру о возникших осложнениях в семье, о чем был обязан доложить. И никто про его странное поведение при захвате Умара из подчиненных офицеров и прапорщиков, составляющих его группу, словом не обмолвился! Так что Дмитрий остался на должности и получил возможность, без огласки в отряде, разобраться со своими проблемами за время командировки.

Дмитрий посмотрел на часы: 15–15!

В Управление он успевает. Горелов поднял кейс с документами и дорожную сумку со сменой белья, подарком для матери – чучелом варана, блоком сигарет и небольшим бурдюком отличного выдержанного кавказского вина и пошел к входу в метро.

На службе его задержали до 19–00. После сдачи секретных документов и прохождения положенных при этом формальностей майор случайно попался на глаза генерал-майору Веригину – непосредственному начальнику над его отрядом. Тот завел Горелова в свой кабинет и долго, в подробностях, расспрашивал Дмитрия о делах в подразделении. Затем Дима зашел к своему однокурснику по училищу, также переведенному из ВДВ в ФСБ, Владу Яшкину, ныне майору, оставленному для прохождения службы в центральном аппарате. Они дружили еще курсантами, и дружба их продолжалась по сей день. Настоящая мужская дружба.

Горелов нашел его кабинет, без стука заглянул в него. Влад сидел над какими-то бумагами, перед ним дымилась чашка свежесваренного кофе. Больше в помещении никого не было.

– Владик! – позвал Горелов, не входя в кабинет.

Яшкин поднял голову, оторвавшись от бумаг, лицо его расплылось в радостной улыбке:

– Димка! Чертила! Ну что в проходе стоишь? Иди, обнимемся, что ли? Сколько не виделись? С момента награждения тебя Звездой, наверное? – говорил Влад, поднимаясь и направляясь навстречу другу.

– Да, не позже! – ответил Горелов перед тем, как они обнялись.

– Ну проходи, Герой, рассказывай, – пригласил Диму Влад, указав на стул против себя, – как там в горах?

– В горах? Ничего! Орлы летают, шакалы по склонам шатаются, иногда вместе с боевиками. Охотимся как за теми, так и за другими. Покоя не дают! Без дела, короче, не сидим.

– Знаю, на оперативках о вас постоянно докладывают. Теперь вот против Кулана и Джумы выставили?

– Против них, родимых! Слушай, Влад, у тебя выжрать нет ничего? – неожиданно спросил Горелов.

– В смысле, выпить?

– Да, в смысле, выпить, и чего-нибудь покрепче!

– Странно, ты как-то раньше в этом замечен не был!

– Влад, ты не ответил на вопрос.

– Ты же знаешь, как у нас с этим строго, но ... запретный плод, понимаешь... есть в заначке початая бутылка коньяку. Будешь этот клоповник?

– Налей граммов сто пятьдесят.

– Только с закуской голяк. В буфет бы кого отправить, но все мои ребята по делам разъехались...

– Обойдемся без закуски. У тебя в кабинете курить можно?

– Кури возле окна, там и пепельница.

– Наливай!

Влад открыл свой огромный сейф, выложив из него почти всю наличную бухгалтерию, достал из самой глубины металлического шкафа бутылку «Арарата». На стол поставил чайный бокал. Плеснул в него изрядную долю спиртного.

Дмитрий махом опрокинул в себя обжигающую светло-коричневую жидкость. Закурил, отойдя к окну.

– Я развожусь с Галиной, Влад!

Горелов ожидал иной реакции друга. Но тот спокойно сказал:

– Делов-то! Мы вон с Маринкой тоже разбежались. А ведь семь лет прожили. Любила другого, вот так! И ничего не сделаешь. Жизнь! Поначалу тяжело будет, потом пройдет. Верь свежему опыту! А ты отойдешь быстро. Схлестнетесь с Куланом и Джумой, все забудешь.

– Может быть. Но сейчас на душе хреново. Если бы Галина любила другого, то, кажется, легче было бы, но она все время, сколько мы с ней прожили, изменяла мне! И, представляешь, это в ее понимании ничего особенного. Вроде так и должно быть. Вот что обидно!

– Такой расклад, безусловно, другое дело, но, Дима, не раскисай! Детей у вас нет, а это главное. А бабы, они и есть бабы, народ более чем коварный и непредсказуемый. Пройдет все, Дим. Ты только водкой боль первоначальную не заглушай. А то затянет, не отпустит!

– Об этом не беспокойся! В общем-то, у меня к тебе просьба будет.

– Давай! Что в моих силах, сделаю. Цепануть ее хахаля? Или ее саму?

– Нет. Не надо. Пусть живет, как хочет. Я сейчас поеду к ней, подписать бумагу одну да вещи кое-какие забрать. Надо будет дня через два остальное взять, что она приготовит. И доставить к матери. Сделаешь?

– А ты сам-то почему не заберешь?

– Не успею. Да и не хочу я в барахле всяком копаться.

– Не успеешь? Ты что, ненадолго в Первопрестольную?

– Завтра поутру бортом на Ханкалу.

– Понятно. Какой разговор? Сделаю! Но мы и не посидим вместе, получается?

– Если только вечером, но, признаться, не до посиделок мне сейчас. Вот в отпуск прибуду, тогда и оторвемся! Как, Влад?

– Понимаю, а посему ни на чем не настаиваю. Приедешь – позвони, телефон не забыл?

– Помню.

– Возьми еще мобильный номер, по нему всегда найдешь меня, где бы я ни был, а вообще, на тебе визитку, там все мои координаты. Найдешь!

Дмитрий взял пластиковую карточку, на которой вверху красовался герб Российской Федерации.

– Ну, я пошел, Влад? Извини, что так вот, но ...

– Да ладно тебе, Дим, чужие мы, что ли? Иди! Смотри, не сорвись там, у жены. Ну а попадешь в ментовку, звони, вытащу.

– Спасибо, Влад, но удостоверение ФСБ и у меня есть. Рад был тебя видеть.

– Я тоже, Дима. Удачи тебе, друг! Подожди, я сейчас машину вызову, подбросит куда надо. Чего на метро маяться!

– Удобно ли?

– Прекрати.

Горелов доехал на служебной машине, предоставленной другом, до станции метро района, где ранее проживал с Галиной. Отпустил водителя, решив немного пройтись пешком.

Еще никогда Дмитрий не подходил к собственному дому с неприятным чувством. Еще никогда в жизни ему не претило идти в свою квартиру, прежде полную любви и счастья при его возвращении.

Глава 3

Москва, продолжение дня

На подходе к подъезду своей пятиэтажки он увидел перегородивший весь тротуар черный, наглухо тонированный «Мерседес» шестисотой модели.

Чтобы попасть в подъезд, Горелову теперь предстояло перелезть через штaketник, кусты, а значит, влезть в грязь. Чего ему и не хотелось и чего он делать не собирался из принципа.

Он подошел к блестящей от влаги машине и сильно ударил рукой по крышке багажника.

Дверь со стороны водителя мгновенно открылась, и оттуда вылез бритоголовый бугай в строгом черном костюме при цветастом галстуке. Он был вне себя:

– Ты че, чувак, в натуре, охренел? С чердаком напряги? Не видишь, по ЧЕМУ бьешь?

– Сдай тачку вперед, мне в подъезд пройти надо, – скорее приказал, чем попросил Горелов.

– Чего?.. Да ты че? Борзый, что ли? Или больной? Я тебе сдам! Канай в обход, пока я тебя наизнанку не вывернул!

– Убери телегу, бык колхозный! – повысил голос майор спецназа.

– Ух ты, сука! Да я... да ты, придурок... сейчас, погоди, ты мне за «быка» ответишь, быдло мужицкое!

Заведясь от неслыханной и невиданной ранее наглости этого обычного с виду, простого работяги, которых бритоголовый и за людей-то не считал, сопя, «бык», как окрестил его Горелов, пробирался по кустам, обходя свой длинный «мерин», что-то яростно при этом бормоча.

Дима отошел на середину тротуара напротив места, где должен был объявиться водитель, и спокойно ждал приближения этого самоуверенного недоумка.

В наплечной кобуре лежал готовый к бою табельный «ПМ», но пользоваться им Горелов не собирался. Не тот уровень, чтобы применять оружие.

Бритоголовый наконец вылез из грязи:

– Ну, сучара, щас ты мне за...

Договорить он не успел.

Горелов нанес ему двойной удар. Ногой в пах и правым кулаком в челюсть, отбрасывая незадачливого бойца вновь за штaketник на кусты.

Все произошло молниеносно. Раздался лишь глухой вскрик после первого, коварного удара и треск разрываемого досками заборчика сукна дорогого костюма.

Из распахнутого пиджака «быка» вылетел пистолет «ТТ», сотовый телефон и бумажник. Все это упало на асфальт.

Дмитрий подобрал пистолет, ногой отбросил портмоне в ближайшую лужу, сотовый телефон вместе с оружием разложил по карманам своей куртки.

Посмотрел на бугая, распластавшегося в кустах и онемевшего от боли и неожиданности после столь агрессивной, быстрой и эффективной атаки противника.

– Вот так! – проговорил Дмитрий, за время короткой схватки так и не опустивший свою сумку на мокрый асфальт. – Слушаться надо, когда тебе что-то говорят старшие, чмо! Будь возле тачки и не дергайся. Иначе вернусь через пару минут, так разделаю, что мама родная не узнает в реанимации! Понял, дурак?

Бритоголовый что-то прохрипел в ответ, но понять его было невозможно, да и не нужно это было Дмитрию, который, вскочив на багажник, через крышу спрыгнул на дорожку, ведущую в подъезд. Мелькнула мысль: интересно, к кому это заявился такой крутой гость, что на «мерсе» развезжает? И тут же словно ударило: а не к Галине ли прибыл этот гость? Писала же мать... Ярость охватила Горелова. Он быстро поднялся на площадку между вторым и третьим этажами.

Так и есть! Возле его двери, облокотясь на перила, стояли еще два бугая в таких же черных, строгих костюмах, которые шли им, как балеринам в «Лебедином озере» общевоинские защитные костюмы.

Дима начал подъем. Его сразу же окликнули:

– Мужик! Ты к кому прешься?

Горелов, оценив обстановку, понял, что с этими вступать в рукопашную здесь, на лестничном пролете, не стоит. Его позиция значительно проигрывала позиции бритоголовых. Поэтому он, не отвечая на вопрос, рывком вырвал из кобуры пистолет «ПМ», одним движением пальца сняв его с предохранителя.

Парни тоже было попытались достать свое оружие, но были остановлены предупреждением:

– Руки назад или валю обоих! Быстро!

Эти оказались понятливее своего дружка водителя.

Они послушно опустили руки. Горелов продолжал:

– А теперь морды к стене, лапы в гору, ласты в шпагат! Ну?

Охранники неизвестного пока босса выполнили и этот приказ. Дмитрий поставил сумку, профессионально обыскал парней. Вместе с двумя пистолетами «магнум» и мобильниками с бумажниками, которые тут же полетели за спину Горелова, раскрывшись и рассыпавшись долларовыми купюрами различного достоинства, Дмитрий извлек из карманов пиджаков и два удостоверения охранной фирмы «Сигма», чьими сотрудниками значились эти два бугая. Спросил:

– Кого охранять изволите, господа сотрудники фирмы «Сигма»?

– Карэна! – с некоторой долей апломба ответил один из них, постарше возрастом. – Слыхал о таком?

– Что за балбес? – поинтересовался Дима.

– Ты что? Базар-то, в натуре, фильтруй! – повысил голос все тот же, старший.

– А он, этот Карэн, знаменитость какая? Артист заслуженный? Или глава администрации президента, чтобы о нем знать?

– Нет, он не артист и не глава, но ты, мужик, попал! Крепко попал! Лично я тебе не завидую, – проговорил старший, – теперь тебя из-под земли достанут и в асфальт на Кольцевой закатают! Если, конечно, не откупишься, но это вряд ли. Карэн ТАКОГО не прощает. Никому и никогда!

– Да? Это мы сейчас поглядим, кто и куда попал. А ну повернули черепа друг к другу!

Охранники не поняли, для чего это потребовал борзый мужик с боевым пистолетом в руке, но выполнили приказ.

И как только их физиономии оказались напротив друг друга, Дмитрий резко, сильно и одновременно ударил обоих по затылкам. Раздался тупой, с хрустом звук, и, потеряв сознание, с разбитыми фейсами, секьюрити фирмы «Сигма» медленно опустились по стене на задницы.

Горелов вытащил их брючные ремни, свел руки за спины и связал обоих особым узлом, развязать который, даже с посторонней помощью, будет трудно. Если только перерезать ремни, но вряд ли кто из жильцов поспешит сделать это! Затем, секунду подумав, решил придать этим «профи» комический вид. Дима стянул с них брюки вместе с трусами до самых

полуботинок, выставив на обозрение не такое уж и солидное мужское достоинство этих внешне здоровых молодых людей. Посмотрел на труды свои. Порядок! Минут двадцать вынужденный отдых ребятам обеспечен, еще десять на адаптацию и освобождение, если получится. Значит, гарантированных полчаса для беседы со своей «верной» супругой и ее любовником Карэном у него будет. Хотя последний меньше всего интересовал сейчас Горелова!

Майор достал ключ. Хорошо, что замки Галина еще не сменила. Открыл дверь, вошел в прихожую.

Из спальни доносился пьяный женский визг и грубый голос с отчетливым кавказским акцентом:

– Ну хватит, хватит, шалунья! Достаточно! Пока не будем! Давай вино пить, виноград кушать!

– Какой такой виноград, Карэн? – Галина передразнивала акцент любовника. – Где твой знаменитый восточный любвеобильность?

– Ну не до такой же степень? Подожди немного, да?

– Эх, Карэн, надо тебе замену искать! Ослаб ты что-то в делах интимных! Не можешь женщину удовлетворить! Дай тогда сигарету, что ли?

– Почему ослаб? Зачем говоришь так? Ведь сама знаешь, на что способен Карэн! Но и ему нужен отдых. А насчет замен, только заикнись, дам тебе замен! Такой замен, что не рада будешь! Слово Карэна!

– О! Какой горячий горец, да? Прикури!

Из спальни потянуло ароматом дорогих сигарет.

Дмитрий стоял и не верил своим ушам.

И так ведет себя его Галя? Всегда ранее кроткая, нежная, скромная? Что же произошло с ней? И тут же сам себе ответил: да ничего не произошло, она всегда была такая, как сейчас в спальне, а с ним играла в короткое время их встреч!

Удержаться больше майор не мог.

Ударив ногой по двустворчатой двери, он вошел в спальню, бросил сумку в угол и встал в проходе, широко расставив ноги.

Увидев его, Карэн застыл полулежа, продолжая лить вино в переполненный бокал, и оно шипучей струйкой начало стекать на паркет. Галя же вскрикнула, открыв от изумления и неожиданности рот.

Любовники расположились на широкой кровати, которой раньше здесь не было. Они были голыми, каждого лишь слегка прикрывала индивидуальная простыня. Мужская и женская одежда валялась кучей в кресле.

Дмитрий смотрел на Галину и молчал.

Та, наконец, немного придя в себя, судорожно сглотнув, прошептала:

– Дима?

– Нет! Дед Мороз! И мешок подарков в углу, не видишь? С кого начинать раздачу?

– Но... Дима... – Галя хотела что-то сказать, но ее прервал Карэн:

– Эй? Ты кто такой? Что такой, Галя, происходит? Кто этот тип?

Надо отдать ему должное, Карэн не испугался. Растерялся? Да! Но не испугался. Галя ответила, заикаясь:

– Это... мой муж, Карэн!

– Кто муж? – спросил Карэн. – Он муж? Я – муж сейчас, а он никто! Пес он! И чего ты испугалась? И где охрана, я их нюх топтал!

– Вот, урюк ты незрелый, с этого и надо было начинать. – Дима достал сотовые телефоны охранников «Сигмы», бросил на постель. – На, позвони им! Сам же и ответишь!

Карэн резко рванулся к креслу, к одежде, но вороненая сталь ствола пистолета в руке Горелова остановила кавказца на полпути. Дмитрий приказал:

– Назад, шакал! Иначе твои мозги разлетятся по всей спальне!

Карэн вернулся в исходное положение, стараясь не обращать внимания на оружие противника, закурил. Он умел держать себя в руках! Неожиданно спокойным голосом и почти без акцента спросил:

– Ты хоть понимаешь, что делаешь? На кого руку поднял?

Но Дмитрий не дал ему возможности своим наигранным спокойствием сгладить инцидент, перехватывая инициативу. Абрека нужно было вновь вывести из себя и заставить совершать необдуманные поступки, иначе эта сцена могла затянуться, а что делает сейчас водитель «мерса», неизвестно. Может, уже из телефона-автомата вызвал сюда бригаду, а бойни Горелову не хотелось, да и не имел он на это права. Поэтому резко оборвал Карэна:

– Закрой пасть, ублюдок! Рысью свалил в туалет! Сидеть на очке, пока не уйду!

Маневр майору удался. Карэн, набычившись, поднялся с кровати:

– На очко, говоришь? Карэна к параше? Стволом укрылся? Я плевать на твою «пушку» хотел, понял? Стреляй! Или я тебя голыми руками удавлю!

Кавказец выпрямился во весь свой рост.

Он был высок, крепко сложен, волосат. На теле были отчетливо видны шрамы. Видно, не раз и ему приходилось выходить на ствол или нож. В глазах ни капли страха.

Дмитрий Горелов умел оценивать противника. И в этом, без сомнения, опасном сопернике для себя лично ничего серьезного не увидел. Он знал, что может спокойно убить этого кавказца, убить без оружия, одним выверенным ударом. Но и этого он не имел права допустить. Сейчас не мог! Если бы в другой раз... А сейчас, в служебной командировке, так подставить и себя, и командира, и весь отряд он не мог. А жаль!

Между тем совершенно голый Карэн двинулся на Горелова. Не знал кавказец, на кого шел. За что и поплатился, хотя даже предположить не мог, что его щадят! Чего не могла знать вместе с любовником и Галина. Она закричала, закрыв уши руками, забившись в угол кровати. Видимо, ожидая рокового выстрела. Но Дмитрий поставил пистолет на предохранитель и вложил его в кобуру. Глядя в глаза надвигающемуся противнику, майор сказал:

– Это твои соплеменники мастера отрезать головы беззащитным и невинным людям, стрелять в спину из-за угла, убегая тут же трусливыми шакалами, а против настоящих бойцов, в честном бою, вы шелуха, фуфло, забивающееся под длинные юбки своих женщин! Иди ко мне, козел! Я покажу тебе, как надо работать!

– Ты труп, собака! – уже вне себя выкрикнул Карэн и рванулся на Горелова.

Не обладая никакой специальной подготовкой в области простого рукопашного боя, не говоря уже о боевом применении навыков прямых схваток, кавказец рассчитывал только на силу, которой, надо и это признать, бог его не обидел. И это было его главной ошибкой.

Горелов легко ушел от размашистого движения руки Карэна, присев, врезал тому в солнечное сплетение, мгновенно сбив дыхание и лишив ориентации. В результате, охнув, Карэн оказался спиной к Дмитрию, который тут же нанес противнику удар в затылок.

Полетев вперед, шокированный болью горец выбил своей массой дверь туалета, которая, по случаю, оказалась прямо по курсу его движения, и врезался головой в сливной бачок, разбивая его на куски. Там, на унитазах, он и затих, потеряв сознание. Дима посмотрел в проем санузла, проговорил:

– Я же сказал, иди на очко! Не послушался. А зря, все одно оказался у параша. Вот и лежи тут, сука!

Он обернулся.

Все в том же углу шикарной кровати, укутавшись в простыню, как в саван, под самое горло, поджав ноги, сидела, мелко дрожа, его бывшая жена Галина. Она впервые видела Дмитрия таким спокойным и... безжалостным, способным на убийство!

Горелов прошел к кровати с ее стороны, присел на край, брезгливо отбросив простыни в сторону. Закурил, сбрасывая пепел на паркет, проговорил:

– Ну, здравствуй, Галя?

– Здравствуй! Я не хотела, чтобы все...

– Молчи! Ни слова! Да! Всего я мог ожидать в жизни, всего! И ранения очередного, пленения, смерти в бою, наконец, но только не этого, нет, не этого. Не подлости, не обмана. И от кого? От тебя, когда-то самого близкого мне человека. Что же, спасибо за все!

Со стороны туалета послышалось какое-то движение.

Горелов поднялся, вышел в коридор. Так и есть, вода из разбитого сливного бачка немного привела Карэна Апяна в чувство.

Чтобы тот не мешал дальнейшему выяснению отношений, Дмитрий нагнулся и резко ударил ребром ладони по жирной шее любовника жены. Апян вновь, и теперь уже надолго, опустил голову в унитаз.

Дмитрий, вернувшись, продолжил:

– Это надо же столько времени притворяться, жить во лжи! Как ты могла так жить? Это же омерзительно, грязно, паскудно, не по-человечески! Жизни шикарной захотелось? Разврата беспредельного? Но не сейчас, не полгода назад это началось, и не обстоятельства изменили тебя. Ты и была такой! Все время была такой! Лживой, коварной, грязной проституткой! Только не было у меня времени разглядеть в тебе, хорошей, кстати, актрисе, ядовитую змею, которую сколько ни грей, все одно укусит. Вот и укусила! Ну, как тебе жизнь эта? Кабаки, казино, волосатые обезьяны в постели? Тьфу, противно, – Дмитрий сплюнул на пол. – А ты не думала, что будет дальше? Лет так через десять? Во что ты превратишься? В потаскуху, которая никому не будет нужна, разве что таким же потасканным человекоподобным. И это будет! Но ты сама пошла этой дорогой! То, что заслужишь, все получишь, и то, чего так хотела, и то, чего с радостью избежала бы, но не избежишь, время все расставит по своим местам! Но зачем мне жизнь ломала? Почему врала? Рассчитывала так всю жизнь прожить? На что надеялась? Что я ничего никогда не узнаю, а дойдут слухи, не поверю?

– Дима, мы уже говорили на эту тему. Зачем повторяться?

– Да, ты права, повторяться ни к чему. Подпиши.

– Что это?

– Твое согласие на развод! – Майор протянул ей бланк своего рапорта.

Галина подписала документ, дающий Горелову возможность оформить развод в части.

– Вот и все, мне остается проститься. Черт с тобой, живи, как хочешь! Одно прошу, сделай так, чтобы я тебя больше никогда не увидел и не услышал! А теперь подойди!

Дмитрий встал.

– За-зачем? – побледнев, спросила Галина.

– Я кому сказал? Иди сюда! Попрощаемся! Или мне подойти?

Женщина встала, закутанная в простыню, медленно и как-то обреченно подошла к бывшему мужу.

И тут же сильная пощечина сбила ее с ног.

Она перелетела через столик с вином, увлекая его за собой.

– А это, – указал на Галину пальцем Дмитрий, – тебе за все твоё блядство, за измены, за предательство, за игру! Я никогда не трогал и никогда не трону женщину, но ты не женщина, ты оборотень, ты тварь, змея. Похотливое, гнилое создание среднего рода. Прощай! Посмотрю я, чем закончится твоя жизнь.

Горелов развернулся, прошел к стенке в гостиной, где снимком вниз, перевернутая, лежала их свадебная фотография. Специально опрокинула, чтобы любовник не увидел. Как еще не выбросила? Он вернулся в спальню, порвал фото на мелкие куски, бросил на залитую вином Галину. Забрал свою парадную форму, скомкав, затолкал ее в сумку. Еще раз взглянул на ту, которую так любил, сказал:

– Собери остальные мои вещи, за ними на днях заедут, и... будь ты проклята!

Вышел из квартиры, захлопнув за собой дверь.

Пришедшие в себя охранники пытались развязаться. Увидев Горелова, они застыли в ожидании. Что еще сделает этот бешеный мужик?

– Ну, чего уставились, уроды? Яйца на бетоне еще не промерзли? Хотя сейчас, к сожалению, не зима. А может, отстрелить их вам? Чтобы знали свое место, пеньки трухлявые? Тоже мне охрана! Вам на свалке отходы с машин сбрасывать, ишаки каракалинские, а не оружие носить!

Горелов нагнулся к парням, нехорошо улыбаясь:

– И теперь давайте посмотрим, кто из нас попал? Я? Кто сейчас спокойно уйдет отсюда, набив вашему боссу рожу? Или вы, не сумевшие его защитить? Что-то подсказывает мне, что вас ждут непростые времена, Карэн вряд ли простит вам свое унижение. А поиздевался я над ним вволю! Вот так вот, дегенераты! И предупреждаю, еще раз встречу кого из вас, на коляски инвалидные посажу вместе с вашим хозяином, поняли?

– Поняли!

– А есть чем?

– Что?

– Понимать-то? Лично я сомневаюсь! Ладно, счастливо оставаться! Карэн придет в себя, он вас развяжет, а может, прямо так и утопит где-нибудь, как котят. Но это ваши проблемы, у меня дела, и я пошел.

Горелов вышел из подъезда. На тротуаре продолжал стоять «Мерседес». Рядом не знающий, что делать, водитель.

Увидев Дмитрия, бритоголовый в рваных штанах отшатнулся. Горелов покачал головой:

– Ну вот! Опять ты, и опять дорогу загородил! А ну освободи проход, а то я мигом твой дорогой драндулет на мосты посажу!

– Сейчас, сейчас отгоню! – от самоуверенности «быка» не осталось и следа.

Дима посмотрел, как машина отъехала метров на пять вперед, освобождая проход. И тут ему пришла в голову одна мысль. Он зашел с правой стороны, открыл дверку, сел на переднее место пассажира, приказал:

– На Вернадского!

– Но...

– Ты плохо понял?

– Но босс прибьет меня!

– Поехали! Пока он придет в себя, ты всю Москву объехать успеешь! Ну, сука, ты не понял? – рывкнул на «быка» Горелов.

Тот резво взял с места, вывел машину на центральную улицу и повел автомобиль в указанном направлении. Вел машину он отменно, в этом деле бритоголовый был профессионалом.

– Останови здесь, – приказал Дмитрий, – возле супермаркета, напротив станции метро. Вот так, а теперь вали обратно. Там твоя помощь не будет лишней ни охране, ни самому боссу. Катись, и смотри, больше пешеходам дорогу не загораживай своей тачкой, а то попадется кто не такой добрый, как я, еще гранату в салон бросит!

Дима специально сильно хлопнул дверцей. «Мерседес» мгновенно влился в общий поток и исчез в нем.

Горелов подошел к входу в метро, закурил. Сам себе задал вопрос – и что дальше? Домой к матери? Но неуютно сейчас он будет чувствовать себя там. Мать обязательно спросит, был ли он у Галины, а разговаривать на эту тему не было никакого желания. Как и просто находиться дома. Смотреть телевизор, не осознавая, что смотришь. Смысл? Черт! Пустота-то какая! Хотя люди вокруг постоянно сновали туда-сюда. Радостные и грустные, парочки и одиночки. У каждого своя жизнь, свои заботы. И никому нет дела, что в это самое время где-нибудь по каменистой дороге Чечни к смертоносному фугасу приближается автомобиль с молодыми парнями в кабине и кузове. Что кого-то взял на прицел снайпер, а кто-то в шаге от растяжки. В шаге от смерти! Война далеко! Она где-то ТАМ! На телевизионных экранах, в репортажах «Новостей», в фильмах. Она будто вне пределов этой мирной жизни. Забыты взрывы жилых домов, подземных переходов, магазинов, притупилась боль от бесконечного захвата заложников. Последнее стало даже обыденным. Было? Было! Но не со мной же? Ни со мной, ни с моими близкими этого произойти не может! И все же происходит. Никто не застрахован от того, что пламя той, такой далекой войны внезапно не опалит своим огнем любого из проходящих мимо! Дима поймал себя на мысли: что-то уж очень мрачные думы завладели им. А с другой стороны, чему ему радоваться? То-то и оно, что нечему! Вообще, сегодняшний день, с самого момента его прибытия в Москву, пошел наперекос. То ни с того ни с сего нахлынувшие воспоминания, крепко захватившие его. То встреча с отморозками Карэна и с ним лично, что превратило прощание с бывшей женой и последний разговор с ней в банальную драку. А еще раньше подробный отчет генералу, которого он и видеть не предполагал, скомканный разговор с другом. Все пошло не так, как он, Дмитрий, планировал. Не так, как должно было быть!

А в принципе, пошло оно все на хер! Надо найти какую-нибудь тихую забегаловку да выжрать полбанки! Это позволит хоть на время выбраться из ямы депрессии, в которую обстоятельства сумели столкнуть боевого майора. Конечно, водка ничего не изменит, но успокоит, заглушит мысли, заполнит пустоту. Пусть это будет иллюзия, но Горелов и хотел сейчас иллюзий, реальностью он был сыт по горло.

Дмитрий быстро нашел кафе, в котором почти не было народа.

Сел за столик у окна. Заказал бутылку водки, порезанный лимон, стакан соку.

В зале играла тихая инструментальная музыка, было уютно, но что-то мешало этому уюту. И это что-то не преминуло показать себя. В виде молодой, полуголой, густо накрашенной девицы, курсирующей по залу и наконец опустившейся за столик напротив Димы.

Начала работать проститутка по давно отработанному сценарию.

– Как насчет того, чтобы дать даме прикурить? – обратилась она к Горелову, вытащив из его пачки сигарету.

Водка немного расслабила Диму. Он не погнал ее от себя, как сделал бы раньше, а поднес огонь к сигарете.

Девица затянулась, выпустив дым плотным облаком к потолку. Проговорила, глядя на него:

– Скучно! Тебе не кажется?

Работает без предварительной подготовки, отметил Дима, да и к чему ей подготовка? Ее задача снять клиента, сбить с того «бобы», иначе сутенер сам собьет ей башку. Но Дима был настроен поговорить:

– Тебе мужик нужен? – спросил Горелов.

Девица взглянула на него обиженно.

– Зачем же так грубо? Просто, как в песне поется, встретились два одиночества, которые могли бы неплохо провести вместе время. Все условия для этого имеются, не выходя из кафе!

– А потом я должен был бы заплатить тебе за это время, не так ли?

– Кстати, совсем недорого.

– Вот видишь! Как же можно ложиться в постель за деньги?

– Слушай, ты чего мне мораль читаешь? Умник нашелся! Нет так нет! Делов-то! Другого найду!

– А тебя никто не держит, можешь порхать, бабочка!

Но девица не уходила. То ли не видела подходящей кандидатуры по своему профилю, то ли еще что-то удерживало ее, но она осталась на месте. Дмитрий внимательнее посмотрел на путану. Нормальная, даже симпатичная девочка.

Но род занятий отталкивал от нее Горелова. Он спросил:

– Чего сидишь? Тебе же клиент для постели нужен?

– А что, нельзя? – неожиданно зло и обиженно огрызнулась девица.

– Да сиди, мне ты не мешаешь!

Он налил очередную рюмку, выпил. Закурив, спросил:

– Как тебя зовут?

– А тебе-то что?

– Интересно!

– Интересно ему! Ирина, чего дальше?

– Ты местная?

– Ага! Из соседней высотки!

– Я серьезно!

– Неужели непонятно, что глупость спрашиваешь? Местные в университеты ходят. Это мы, из провинции, на панели! Хотя городские блядуют похлеще нашего, только у них это нормальный секс, а у нас, видишь ли, проституция! Суки ваши городские, понял? – в голосе Ирины явно проступали ноты обиды и ненависти.

Дмитрию стало жаль девушку.

Он допил бутылку, которая только слегка ударила в голову. Не пробило спиртное броню внутреннего напряжения, лишь немного смягчив ее.

– Идем! – предложил Дмитрий.

– Куда? В номер?

– На улицу. Воздухом подышим, душно здесь.

– Ага, а Вальтер мне за эти прогулки потом голову оторвет?

– Вальтер твой сутенер?

– И не только мой! Все девочки в округе под ним пашут.

– Идем, не бойся, ничего тебе не сделает этот Вальтер.

– Нет! – с сожалением отказалась Ирина. – И хотела бы, но не могу! Улица не моя территория. Ты уйдешь спокойно, а мне здесь еще работать.

Горелов увидел в ее глазах глубокую тоску.

– Ну тогда на, возьми! – он положил перед ней двести долларов.

– За что? – удивилась Ирина. – Ведь я же ничего для тебя не сделала.

– А так просто человек не может помочь другому человеку? Без ответной услуги?

– Никто раньше так, как ты, не поступал!

– Пусть буду первым! Я бы мог сделать для тебя большее, вырвать из лап сутенера и помочь вернуться домой. Но ты сама не согласишься. Или согласишься?

– Ты что, крутой?

– Круче некуда! Так вытащить тебя из этого болота, пока у меня есть время? И никто тебя пальцем не тронет. Ни сейчас, ни позже и нигде!

– А что взамен? Ты возьмешь меня к себе? Я бы пошла... честное слово!

– Нет, с собой я тебя не возьму, отправлю домой.

– Из одного болота в другое? Ты думаешь, мне в деревне лучше будет?

– Ну что ж! Насильно мил не будешь! Я предложил, ты отказалась. Дело твое.

Дмитрий посмотрел на часы:

– Мне пора.

– Ты еще придешь сюда?

Майор усмехнулся – знать бы самому, вернется он сюда или нет, – но ответил:

– Не знаю! Возможно, когда-нибудь и приду.

– Приходи! И спасибо! А может, возьмешь все же к себе? Я верной буду! Все, что захочешь, сделаю!

– Нет! И это зависит не только от меня. Все, Ирина, удачи тебе! Прощай!

Дмитрий встал, подошел к стойке, расплатился, вышел из кафе на освещенную улицу. Он шел домой и чувствовал на себе взгляд, провожающий его из кафе. Горелов почему-то подумал, что они с этой Ириной еще встретятся. Тогда он даже предположить не мог, какую роль в его судьбе сыграет эта девочка спустя некоторое время.

Чтобы как-то подготовить мать к своему неожиданному визиту, Дмитрий перед домом позвонил ей:

– Здравствуй, мама!

– Дима! Здравствуй, дорогой! Ты из Чечни звонишь?

– Нет, от дома. Готова встретить своего заблудшего сына?

– Господи! Рядом с домом! И он еще спрашивает какую-то глупость? Поднимайся быстрее!

Горелов легко преодолел лестничные пролеты до пятого этажа, где на площадке у раскрытой двери его ждала мать.

Она повисла у сына на шее, как всегда расплакавшись:

– Живой, Дима!

– Живой, мама, не плачь! Все нормально!

Мать отпустила сына, вытерла платком глаза:

– Сколько раз ты уезжаешь, возвращаешься, вновь уезжаешь, а я все привыкнуть не могу. И понимаю, что ничего изменить нельзя, а не могу!

– Пойдем в квартиру. Чего в подъезде стоять?

– Ой, господи, конечно, проходи!

Прошли в прихожую, Дима бросил сумку, достал свой «ПМ», положил его в тумбочку трюмо. Пистолеты бандитов – «ТТ» и два «магнума» – он еще до кафе незаметно выкинул в Москву-реку. Его немного покачивало. Странно, голова была ясная, а ноги слушались плохо. Это заметила мать.

– Ты выпил, Дима?

– Заметно?

– Да.

– Выпил, мама, бутылку водки. Не взяла, как ожидал.

– После встречи с Галиной?

– Да! Только прошу, не спрашивай, как она прошла. Не хочу вспоминать.

– Представляю и понимаю. Тебе помыться надо, а я пока стол накрою.

– Я не хочу есть, мам. Постели лучше, лягу пораньше, завтра рано улетать. Я ведь лишь на сутки в Москву.

- Как на сутки?
- Командировка. Вот в отпуск приеду...
- Об этом можешь не говорить. Сколько ты уже не отдыхал? Года два?
- Что-то около этого, но что поделаться? Служба!
- Кстати, ты так ни разу не сказал и не написал мне, чем вы там, в Чечне, занимаетесь?
- Потому не говорил, что не о чем и говорить! Вообще-то ты права, мне просто необходимо принять душ.

Он разделся, взял свежую смену нижнего белья, зашел в ванную. Встал под душ. Струи чуть теплой воды приятно освежали тело. Хмель отступал, одновременно возвращая боевого офицера из иллюзорного состояния, в которое он попытался себя загнать, в жесткую реальность.

Закончив водные процедуры, Горелов вышел в прихожую, где заканчивала с кем-то говорить по телефону мать.

Они прошли на кухню. Там он продолжил прерванную тему:

– Пустяками занимаемся, мама. Охраняем участок нефтепровода в долине. Вот и все дела! Поэтому и в отпуск не отпускают, остальным приходится воевать, а нас заменить некем.

Пожилая женщина недоверчиво и с укором смотрела на сына, как смотрела на него, еще ребенка, уличив в мелкой лжи.

– И давно за охрану нефтепроводов стали звания Героя России присваивать?

– Это, мам, не я решаю. Ты, ради бога, не волнуйся. ТАМ у меня все в порядке! Ты-то как тут? Как тетя Зина? Костик? Ольга?

– Я давно в Хапово не была. Знаю по последней встрече, что Ольга развелась со своим парикмахером, в деревне дома начали скупать или менять на квартиры в райцентре. Какое-то строительство на месте деревни удумали. Костя все такой же замкнутый, режет свои фигурки да песни афганские слушает.

Дима закурил:

– Эх, надо бы заехать, поведать старого друга!

– Да, тебе он был бы рад! Вы, считай, до армии каждое лето неразлучны были. Вот только не повезло Косте. Война проклятая всю жизнь парню исковеркала!

– Что же теперь сделать? Война счастливыми людей не делает, сколько таких изуродованных пацанов по госпиталям да домам инвалидов обретается! Я, как вернусь в часть, обязательно напишу Косте. А ты увидишь тетю Зину, передай, пусть держится старшина, это ему майор приказывает! А Ольга? Не сложилась и у нее жизнь, выходит? Я когда-то, помню, любил ее. Хотя «любил» для того возраста сильно сказано, но ревновал точно, это я помню хорошо!

– Передам.

– Ты мне на диване в гостиной постели.

– Почему в гостиной? Ложись в спальне.

– Отвык уже от мягкой постели, не усну. На диване ловчее будет.

Помывшись, Дима лег спать.

Подумал: странно, что Карэн так легко простил ему свое унижение! Галина адрес знает, мог и «быков» своих прислать. Или милицию направить, у них наверняка между собой все чики-чики! Ан нет, ничего абрек не предпринял. Даже об оружии не вспомнил. Это странно, но кто знает, что у Карэна на уме? Может, и Галина отговорила? Но спасибо он ей за это не скажет! Будет лучше забыть о ней. Одно с утра следует обязательно сделать: запросить индивидуальной защиты матери у группы «Заслон». Не хватает еще, Карэн на мать наедет в его, Дмитрия, отсутствие! А кавказец это может. Так что лучше обезопаситься.

Тем более что майор Горелов, как офицер отдельного подразделения спецназа, имел на это полное право. А Косте он напишет, обязательно напишет!

Дима уснул, чтобы ровно в пять утра встать. Безо всякого будильника.

Проводы были скорыми.

Горелов не любил эти минуты прощания и всегда старался свести их к минимуму. Приняв душ, наскоро перекусив, взял сумку, забрал табельный ствол, поцеловал мать:

– До встречи, мама!

– Береги себя, Дима!

– Обязательно!

Вышел из квартиры. На улице, под непрекращающимся, затяжным дождем, закурил. Но сигарета быстро размокла, он выбросил ее.

Перед тем, как свернуть к скверу, оглянулся.

За заплаканным окном квартиры он увидел одинокий силуэт матери. Он поднял руку, выставив вверх большой палец, резко, по-военному развернулся и быстро пошел от места, где осталось все его родное и близкое. Навстречу ветру и дождю, к метро и военному аэродрому. Откуда камуфлированный борт должен будет вернуть его на войну, в очередной раз поставив на грань между жизнью и смертью.

Глава 4

Чечня, отдельный диверсионно-штурмовой отряд особого назначения. Май 2002 г

Как некстати был этот внезапно начавшийся дождь. Такой же мелкий, нудный, как и недавно в Москве.

Дождь, начавшийся сейчас, когда диверсионно-штурмовая группа майора Дмитрия Горелова и так опаздывала к месту встречи с проводником-чеченцем. Опаздывала на двенадцать минут! И вообще эта акция началась спонтанно, неожиданно, внепланово. Экстренное совещание, экстренные сборы, вылет с отклонением в пять минут, а затем попытка пилотов «Ми-8» высадить десант с высоты длины тросов, так как командир «вертушки» все не решался опустить машину до нужной высоты, опасаясь задеть несущим винтом за кроны высоких деревьев, окруживших лужайку – место высадки. Пока не рискнул. Из-за этого было потеряно еще почти пять минут! Ориентирование на местности, построение в походный порядок в четыре двойки, и в результате график нарушен на двенадцать минут. А впереди километров семь неизвестного маршрута. Удастся ли сократить отставание? Или оно еще больше увеличится, сведя на нет все усилия группы Горелова? Майор вызвал по внутренней связи боевые двойки.

Принял доклады о движении, приказал ускорить ход.

Группа доложила о принятии приказа.

Горелов повернулся к своему напарнику, прапорщику Бунину:

– Валера! Прибавить обороты!

– Я за вами. Как вы, так и я.

– Не забывай смотреть по сторонам. И под ноги. Как бы на «сюрприз» не налететь!

– Смотрю, командир! Но еще час пути, и мы вымокнем, как утки на пруду.

– Ничего, выдохнем. Об этом ли сейчас думать, Валера? Мы на грани срыва операции!

– Успеем! Главное, не суетись, командир, иди обычным ходом. Будешь торопиться – буксовать начнешь, я знаю!

Прапорщик был старше майора на девять лет и прошел намного больше горных троп, чем его командир, поэтому Дмитрий не стал ничего говорить, а постарался последовать совету Бунина. Идти стало действительно легче, но и усилился дождь, превратив тропу в скользкое и одновременно вязкое месиво.

– Черт бы побрал этот дождь! – выругался Горелов.

– Ничего, командир, успеем! Ты на каблуки надавливай, скользить не будешь.

Дмитрий посмотрел на часы: отставание от графика осталось прежним, двенадцать минут. А пройдено уже более пяти километров. Должны успеть!..

А началось все с того, что после прибытия майора Горелова из командировки всех пятерых командиров групп отдельного отряда особого назначения «Вихрь» в 23–00 вызвал к себе командир отряда подполковник Кириллов Владимир Михайлович. В обиходе просто Михалыч, так как личный состав подчиненного ему подразделения состоял из прошедших огонь и воду отборных профессионалов, офицеров и прапорщиков. Но это только во внеслужебной обстановке отдыха Кириллова называли Михалычем, официально же, как и положено, по званию.

Уже сам по себе факт ночного вызова не сулил ничего хорошего, а уж то, что собирались все командиры боевых групп, говорило о чем-то серьезном, произошедшем в последние часы.

В блиндаж Кириллова прибыли майоры Харламов и Лукин, капитаны Голощекин и Васин и он, Горелов.

Михалыч начал без подготовки:

– Товарищи офицеры, как вы уже поняли, собрал я вас по чрезвычайному случаю, а именно потому, что буквально полчаса назад у меня состоялся телефонный разговор с генералом Петровым. К нему попал один чеченец, лет под пятьдесят, по его описанию, некий Кара Богаев, который в штабе Объединенной группировки войск пытался найти высшего представителя ФСБ. Понятно, что его по инстанции доставили к Петрову. Тот, естественно, спросил, какое у горца дело к ФСБ. На что Богаев ответил... хотя лучше я зачитаю вам шифрограмму, только что прибывшую из штаба, в которой генерал подробно передает свой разговор с чеченцем. Итак:

Генерал. Что вас привело ко мне?

Богаев. Имя Кулан-Бека вам о чем-нибудь говорит?

Офицеры, слушавшие текст шифрограммы, переглянулись.

Генерал. Как и всей Чечне!

Богаев. Я знаю, что за ним и его другом Джумой-Бандитом ваши специалисты давно и безуспешно охотятся. Поэтому и пришел к вам.

Генерал. У вас есть какая-нибудь информация по бандитам?

Богаев. Да! Дайте, пожалуйста, карту.

Генерал. Пожалуйста!

Богаев. Если вы хотите схватить или уничтожить Кулана, то к шести утра завтра высылайте небольшой, не более десяти человек, отряд к предгорью Большого Гунинского хребта, в точку пересечения квадратов А-1 и Б-2 по вашей карте.

Генерал. Минуту!.. Это район небольшой роши?

Богаев. Да! В шесть утра, ну плюс еще двадцать минут, я буду в ней ждать ваших людей, чтобы провести их через перевал одному мне известной тропой. Так как позже, перед прибытием своего главаря, его бандиты уже к обеду перекроют все подступы к аулу.

Генерал. Почему я должен вам верить?

Богаев. Вы вправе не верить мне, тогда я пойду на Кулана сам, мне вряд ли удастся убить его, но я попытаюсь, потому что терять мне нечего. Кулан-Бек убил моего брата, вырезал его семью, это произошло 26 января прошлого года в Аргуне, вы легко можете проверить мои слова, и сделал это за то, что Ваха в свое время пошел за Завгаевым, а не за Дудаевым. Мой младший брат покушался на Кулана, но он переоценил свои силы и был зверски убит, а его молодая жена перешла в собственность бандита. Кулан-Бек решил вырезать весь наш род, и он почти сделал это! Два месяца назад он навестил Арас, мой родной аул, это рядом с Гуни, двух сыновей расстрелял во дворе дома, жену же приказал своим наемникам забросать камнями. Она умерла. У меня не осталось никого, и терять мне нечего. Ваше право не верить мне и не посылать людей, но я все же надеюсь, что разум возобладает над подозрениями и вы уничтожите кровавого зверя!

Генерал. Откуда вам известно, что завтра Кулан точно будет в Гуни?

Богаев. Я слежу за аулом почти месяц! Там, у некоего Кадыра, он оставил на излечение трех своих раненых бандитов, среди которых его племянник Анзор. Там же, в ауле, проживает мой армейский друг Байрам, который не меньше моего ненавидит Кулан-Бека с Джумой-Бандитом, поставивших весь горный юг на колени и подчинивших себе, как рабов, население района. Они правят, словно новоиспеченные ханы, по собственным законам, далеким от законов гор! Байрам – чабан, пасет местный скот и вхож во все дома. Он и сообщил мне,

что в доме Кадыра готовят встречу самому Хозяину, как в ауле называют Кулана, и спешно собирают запасы продовольствия, в которых нуждаются стаи этих шакалов. Собирают со всего населения! Он узнал не только дату прибытия Кулан-Бека, но и то, что Джума-Бандит, чтобы обезопасить визит в селение своего друга, готовит отвлекающий маневр, а именно нападения на блокпосты, прикрывающие дорогу на Аргун.

Генерал. Даже так? Вам известно, сколько людей прибудет с Куланом и откуда он появится?

Богаев. Обычно с ним полусотня его отборных головорезов, а появиться он может только со стороны Гунинского ущелья.

Генерал. Как вы окажетесь в предполагаемом месте встречи в шесть утра? Путь вам предстоит долгий.

Богаев. Это мои дела! Я буду в роще. Но вы правы, мне пора выходить. Что вы решили, генерал?

Генерал. Пока не знаю.

Богаев. Я понимаю вас. Но в любом случае буду ждать ваш отряд в обозначенном месте в назначенное время. Если в 6-20 никто из ваших в роще не объявится, я уйду в горы, пойду через перевал к аулу один. Это будет значить, что вы не поверили мне. Что ж, пусть будет как будет! Я жизнью не дорожу и попытаюсь его убить, но шансы мои ничтожны. Кулан-Бек продолжит хозяйничать в горах, обогряя их кровью невинных людей, ваших пленных солдат в том числе.

– На этом текст переговоров обрывается, а генерал Петров приказывает нам, оценив обстановку, выйти на Кулана. Вот такие пироги, господа офицеры!

Подполковник поднялся со своего кресла, подошел к окну, за которым начался мелкий, совсем не весенний нудный дождь.

Слова попросил майор Лукин.

Кириллов разрешил офицеру высказать свою точку зрения.

Майор встал и задал вопрос:

– Начать акцию, не проверив чеченца? А если это элементарная подстава и нас вытягивают на засаду?

– Откуда Богаеву знать, что на операцию пошлют именно отряд «Вихрь», а не любое другое подразделение войскового спецназа? – ответил подполковник.

– А я и не имею в виду «Вихрь». Им подойдет любое подразделение, которое подставят Кулану федералы, – продолжал майор Лукин. – Бандитам сейчас как воздух нужны победы! Любые! Они должны показать своим хозяевам из-за «бугра», что сопротивление не только не потеряло эффективности и управления, разбившись на локальные, единичные террористические акции, а все еще способно противостоять нам и уничтожать войсковые подразделения. Иначе какой смысл тому же Бен Ладену поддерживать «чехов»? Вот Кулан и решается на проведение крупномасштабной провокации, используя в качестве дезинформатора «несчастливого» Кару Богаева. Бек уверен, что федеральное командование клюнет на такую лакомую приманку. И оно, как мы видим, клюнуло.

В разговор вступил капитан Голощекин:

– Вряд ли, Миша, твой расклад осуществим. Имея в своем распоряжении пусть даже три сотни штыков, а не пятьдесят, как утверждает чечен, Кулан не может знать, какие силы выступят против него. Тем более заманивать войска в такое неудобное место, как ущелье, раскрывая маршрут своего передвижения к Гуни. Он далеко не дилетант и не может не понимать, что вслепую ни спецназ, ни обычное войсковое подразделение не пойдут. Будет проведена предварительная разведка. Она выявит наличие боевиков в ущелье. И тогда командование вообще может не привлечь к акции наземные войска, а осуществит либо воздушный, либо ракетно-артиллерийский налет по району дислокации банды. И где, с другой стороны,

отметая все вышесказанное, Кулан в состоянии устроить засаду? На склонах и хребтах? Глупо! Туда же и засада пойдет! Первая же стычка с противником приведет к скорому и полному уничтожению и самого Бека, и его сил сопровождения с прикрытием, если таковое окажется рядом. В самом ущелье? Еще большая глупость! Мы накроем их сверху, имея тактическое преимущество. Это все равно что добровольно сложить оружие или подставиться под расстрел! В ауле? Но туда ни мы, ни войска не пойдут, а заблокируют его. Нет, мужики, лично я склоняюсь к тому, что Кара Богаев действительно желает вывести войска на своего кровного врага. Получил информацию и поспешил в штаб за помощью, одновременно и нам оказывая немалую услугу. Да, он уверен, что на Кулана выйдет группа захвата или ликвидации. А ему большего и не надо. Лишь бы был наказан тот, кто сломал ему жизнь. Кровная месть – дело такое! Единственное, что нам не помешало бы, так это получить подтверждение слов Богаева насчет зверств Кулана в отношении его семейства.

– Это уже проводится, но успеет ли разведка справиться с заданием в такой короткий срок? До начала акции? Неизвестно! Слишком мало времени оставил этот Богаев. А ты, Горелов, что молчишь?

Дмитрий, казалось, безучастно слушавший обсуждение сложившейся обстановки, поднялся, бросив карандаш на карту.

– А о чем говорить? – ответил Дима на обращение командира. – Говори не говори, приказ выйти на Кулан-Бека получен? Получен! Значит, его предстоит выполнять при любых обстоятельствах. И думать, как его выполнить, здесь, в подразделении, бесполезно. Нужна рекогносцировка местности. А следовательно, и встреча у предгорья с Карой Богаевым. И решение нам надо принять как можно быстрее. Время работает против нас! Если Кара говорил правду, то... другого такого шанса ликвидировать банду самого Кулан-Бека, боюсь, у нас не будет. Риск, конечно, есть, но без него еще ни одной операции, насколько помню, мы не проводили. Надо идти! Но не одной, а тремя группами. Если бандиты приготовили нам засаду, что считаю маловероятным, я тоже склонен верить горцу, – но даже если и так, то мы засаду эту при помощи нашей специальной техники вычислим до выхода на рубеж встречи. А вычислив, сами накроем. Хоть кого-то, но возьмем. Все результат!

Поднялся майор Харламов. Он, при всей своей удали и отчаянной отваге в бою, в преддверии схватки отличался от других офицеров отряда тем, что всегда пытался просчитать все возможные, даже теоретически допустимые варианты развития событий во время проведения боевых операций.

– Разрешите мне? – спросил он.

– Говори, Витя! – разрешил командир.

– А что, если бандиты, вычислив нашу дислокацию, что вполне вероятно, раз о ней знает Бокаев, решили провести акцию против отряда и весь трюк их состоит в том, чтобы расколоть отряд? Три группы, как предлагает Горелов, убудут в район Гуни, где их встретят на самом перевале, где наши и развернуться не смогут, и одновременно бандиты атакуют остатки отряда здесь. Тут, на базе, останется около двадцати человек, и ее можно будет атаковать прямым штурмом! Как такой вариант?

– Что скажешь на это, Горелов?

– Что я скажу? Мы стоим здесь официально как рота усиления мотострелкового батальона, вот его и следует привести в повышенную боевую готовность. На батальон бандиты не пойдут, не хватит у них сил разбить войсковую часть! Это не взвод захваченных врасплох десантников. Это сорок единиц бронетехники! Здесь отряду ничего не грозит, если принять элементарные меры предосторожности, тем более Бокаев просит одну группу, а не три. Про количество вышедших на акцию сил он знать не может, а вот насчет перевала? На проводника мы выведем одну группу, и проводник будет уверен в том, что ведет через перевал всего восемь человек. Скрытно следом пустим еще две группы, для страховки. Если первую

группу «чехи» атакуют, в бой вступят другие две группы. Но зачем Кулану вступать с нами в бой? Какой смысл раскрывать свое присутствие в этом районе, где его появление даже не рассматривалось и никаких акций не планировалось? У сепаратистов разведка тоже работает и так топорно не действует. В чем мы убедились, узнав, что Кулан-Бек свободно перемещается возле Гуни, когда нам сбрасывают информацию о том, что и Кулан, и Джума орудуют где-то юго-восточнее. Мое мнение – идти на Гуни! Первой группой предлагаю использовать свою! Другие две пусть назначит командир!

Подполковник Кириллов внимательно осмотрел командиров боевых групп, принимая решение, которое, в принципе, было уже predetermined приказом свыше. Но predetermined в стратегии! А вот тактику и состав групп, направляемых на задание, приходилось обозначать ему. Он глянул на часы, сел за стол, сказал:

– Горелов прав, приказ нам выполнять по-любому, поэтому я согласен с его вариантом. А посему выходим к перевалу тремя группами. Первая – майора Горелова – встречает проводника и далее действует по обстановке, второй и третьей пойдут группы майора Лукина и капитана Васина. Все! Времени рассуждать у нас больше нет. Выходящим группам с этой минуты боевая готовность «Военная опасность». Час на подготовку людей, вооружения и специального снаряжения, включая средства связи. Я вызываю ночную «вертушку». С ее прибытием участникам акции боевая готовность «Полная» – немедленный вылет в район действия. Десантирование, – командир посмотрел на карту, – на просеке лесного массива, в семи километрах от места встречи с проводником. Там же определитесь с порядком выдвижения к предгорью. Старшим по проведению акции назначаю майора Горелова, майор Лукин отвечает за прикрытие его группы, а также обеспечивает отход последней после завершения акции. Группа капитана Васина, после того как Горелов, а за ним и Лукин втянутся в горы и не попадут в капкан, идет в обход хребта и выходит к Гуни на «зеленку». С боевым охранением противника в Гуни, если таковое будет, не сближаясь. Цель группы Васина – нанести удар с запада, если у Горелова что-то не сложится. Ну а я предупрежу блокпосты о возможном нападении и, на всякий случай, подтяну в соседний батальон звено вертолетов огневой поддержки. Связь со мной по необходимости, я все время буду на приеме. Вопросы?

– Никак нет, товарищ подполковник!

– Свободны!

Офицеры покинули блиндаж командира...

И вот сейчас группа Горелова, растянувшись боевыми двойками на расстояние прямого визуального контакта, сквозь дождь и грязь пробивалась навстречу неизвестности. Чтобы настроить себя, Дима думал о враге, постепенно приводя себя в состояние максимальной готовности к смертельной схватке с ним. Не так просто настроить себя на бой! Когда думаешь только об одном: как уничтожить больше противника, не допуская никакой другой мысли, только бой, бой до конца, каким бы он ни оказался! Он думал о Кулан-Беке и Джуме-Бандите, и его постепенно наполняла яростная ненависть к бандитам, вытесняя другие чувства. Что совсем не означало, что офицер теряет контроль над собой. Как это было с ним один раз. Сейчас Дмитрий полностью владел собой.

Хладнокровие и решительность, отменная реакция и умение держать руководство подразделением в любых условиях, способность мгновенного принятия кардинальных решений в ходе боя были отработаны в нем до автоматизма. Нужно было только морально разогреть себя, как говорил майор Горелов, чтобы войти в ту оптимальную форму, когда профессионал полностью готов к любым действиям.

Майор Горелов с группой все же опоздал, выйдя в район рощи. На две минуты опоздал. И причиной стал большой овраг, неожиданно перерезавший им путь. Его бы обойти, но, как ни странно, на карте оврага не оказалось. Пришлось преодолевать незапланированную естественную преграду. Спустилась передовая пара, капитан Горелов и прапорщик Бунин, легко, а вот подняться по мокрой траве крутого, хоть и невысокого склона смогли с трудом. Распаковав и применив специальное горное снаряжение в виде «кошки» с тросом.

Они подошли к роще, не сближаясь с ней метров на сто.

Если проводник или враг здесь, то он или они непременно заметят офицеров. Но пока роща стояла темным монолитом на фоне начинающегося утра.

Дима передал по команде:

– Я – Первый! Внимание всем! Собраться в кулак. На открытую местность не выходить, не обнаруживать себя, быть в готовности принять круговую оборону! Как поняли?

Командиры двоек доложили, что приказ понятен, и приступили к его исполнению.

Горелов связался с Лукиным и Васиным:

– Эфа-2, Эфа-3! Я – Эфа-1! Нахожусь в заданном районе, никого не вижу. Вам остановиться, укрыться, ждать! Сигналом для продолжения движения будет команда – «Вперед!». В случае атаки меня противником брать место боя в кольцо, ну и дальше, как учили!

– Эфа-2, понял!

– Эфа-3, к действиям готов!

Дмитрий отключил связь.

Он посмотрел на часы: 6-35.

Неужели этот Кара Богаев ушел? Но тогда за две минуты после установленного срока он не мог отойти даже на сто метров, так что передовой дозор увидеть должен был. Другой вопрос: приходил ли он сюда? Горелов хотел было вызвать командира отряда, и тут его слегка ударил слабый разряд тока станции связи, закрепленной на бедре. Звуковые сигналы вызовов на связь в боевых рейдах личным составом отряда не применялись. Горелов включил рацию:

– Первый на связи!

– Первый! Я – Четвертый! С тыла замечено движение одинокой фигуры человека.

– Дистанционную «прослушку» в его сторону! Послушать, что вокруг этого одиночки слышно!

Капитан посмотрел на прапорщика:

– Как думаешь, Валера, Богаев?

– Да вроде, кроме него и некому!

– Что в роще?

– Видно плохо, но, судя по спокойствию пернатых, либо засада сидит мертво, либо в «зеленке» никого нет.

Бунин, пока Горелов вел переговоры, через оптический прицел своей «СВДС» осматривал рощу. Дмитрий проговорил:

– И то дело! Четвертый! Ну, что у тебя?

– Объект подходит! Нас видеть не может, а подает знак, чтобы не стреляли, получается, в курсе, что мы здесь? Вокруг не слышно никакого движения, не говоря уже о голосах, лишь шелест этого проклятого дождя. До трусов вымокли!

– Дождь в сторону, Гена, – приказал Горелов командиру замыкающей двойки, старшему лейтенанту Коробу. Высылай прапорщика Стукина вперед! Пусть войдет в контакт с неизвестным. Если это Богаев, пропустить его ко мне, группу не раскрывая!

И вскоре доклад того же Короба:

– Первый! К тебе пошел Кара Богаев!

– Понял тебя, наблюдение за обстановкой не ослабевать! Всем! Пропустить чеченца!

– Пропускаем! – тут же ответили остальные командиры двоек.

Горелов вызвал группы прикрытия:

– Эфа-2, Эфа-3! Вышел ко мне чечен! Ждите сигнала!

Через десять минут к майору Горелову и залегшему за валун в стороне прапорщику Бунину подошел мужчина лет под пятьдесят. Коренастый чеченец, одетый в камуфляжный костюм, с автоматом «АКС-74» с заряженным подствольным гранатометом и широким ножом в кожаных ножнах на поясе, рядом с двумя гранатами «Ф-1».

– Я – Кара Богаев! Вы от подполковника Кириллова?

– Допустим.

– Как мне называть вас лично?

– Майор.

– Понимаю.

– Вы опоздали, Кара, хотя ставили условие предельной точности времени встречи, почему? Вы же знали, что мы должны были в 6-20, не встретив вас, тут же уйти обратно?

– Я не опоздал! Я встретил вас в пяти километрах отсюда. И сопровождал все это время.

– Зачем?

– Раньше, это было в конце семидесятых годов, я служил сержантом-сверхсрочником в бригаде спецназа ГРУ Генштаба. В отдельном разведывательно-диверсионном взводе. И перед вводом войск в Афганистан в декабре 79-го, и до взятия дворца Амина, еще раньше, наше подразделение уже работало «за речкой». Мы проводили в основном рекогносцировку дорог, перевалов, изучали проходимость ущелий, по большей части в районе Саланга. И я знаю, как работают настоящие профессионалы. Нет, вы не подумайте, себя к таковым я не относил и не отношу, так как занимал обычную должность снайпера, но как наш командир водил в горах взвод, я не забыл! Он был профессионалом высочайшего уровня. Наш взвод ни разу не был обнаружен, до официального ввода войск. Вы тоже из числа профессионалов! Мне нужно было убедиться в этом, и я убедился. Для Кулан-Бека это посещение Гуни реально может стать последним. К тому же с вашим вооружением даже восемь человек представляют грозную силу.

Майор согласился с Богаевым.

Тот продолжил:

– И я не думаю, что подполковник Кириллов, опытный воин, перебросил сюда всего одну группу. Вас должны страховать и прикрывать, но это не мое дело. Уничтожение банды Кулан-Бека, при том плане, который я хочу предложить вам, майор, может быть проведено и группой в восемь профессионалов!

– Что за план, Кара?

– Сначала перейдем перевал. И углубимся по ущелью километров на пять. До череды пещер, в одной из которых устроим привал и все обсудим.

– Согласен. – Горелов передал в эфир команду «Вперед!».

Глава 5

Чечня. Малый Гунинский перевал

После того как Горелов подал сигнал Лукину и Васину, что начинается подъем, его группа начала восхождение, ведомая Карой Богаевым по узкой и внешне незаметной горной тропе. Никогда бы не подумал майор, что через, казалось бы, отвесные скалы возможен переход перевала.

Тропа, извиваясь серпантинном, медленно поднимала вверх сцепившихся страховочным тросом подчиненных Горелова. Лишь немолодой чеченец, опираясь на свой дорожный посох, легко шел впереди.

Путь был тяжел даже для офицеров и прапорщиков, прошедших специальную горную подготовку и не раз принимавших бой прямо на склонах ущелий. Тропа то расширялась и принимала вид небольшой террасы, где можно было перевести дух, то сужалась настолько, что, лишь вжавшись в камень, мелко переступая ногами, удавалось преодолевать опасный участок. Но несмотря ни на что, группа шла! Молча и упорно, с каждой минутой все выше поднимаясь к промежуточной цели – глубокой и узкой расщелине, начинающейся где-то посередине склона и непосредственно выводящей на вершину перевала.

Подъем осложнялся еще и мелким, нудным дождем. Камень вокруг был мокрым и скользким, но сама тропа, что было просто невероятно, оставалась сухой, хотя никакого прикрытия сверху не имела. Дикие животные, обитающие в горах, те же шакалы, умели находить места и для обитания, о чем говорило множество различных по размерам нор, и для перемещения, доказательством чему была эта тропа, и даже для охоты, судя по встречающимся иногда обглоданным костям животных различной величины. Горы жили своей жизнью и по своим законам.

Через час достигли промежуточного рубежа подъема, небольшой площадки, от которой практически вертикально начиналась расщелина. Возле ее основания Кара Богаев остановился, присел на камень, каких на площадке было немало, предложил:

– Отдохните! Дальше – главная и самая тяжелая часть подъема.

Словно до этого группа Горелова совершила легкую прогулку по парку!

Дмитрий поднял руку, бойцы рассыпались по площадке: двое у выхода с тропы, двое у расщелины, двое бойцов, разделившись, заняли позиции на флангах, контролируя склоны. Бунин устроился рядом с Богаевым.

Чеченец внимательно смотрел на действия группы.

Бывший солдат спецназа оценил то, как профессионально люди в черных бронированных комбинезонах с накинутой поверх легкой маскировочной сеткой даже на таком мизерном плацдарме, как эта площадка, заняли выгодные позиции для отражения нападения вероятного противника.

Отдыхали двадцать минут.

Горелов, видя, что все пока идет по плану, мысленно вернулся в Москву.

Его все же не отпускала тревога за мать. Карэн Апян – бандит, это однозначно. И сошка не мелкая! Унижение, которому подверг его Дмитрий на квартире Галины, тот простить не мог. Что-то он должен был предпринять в отместку.

И Горелов был прав. Карэн, узнав от любовницы, кем являлся ее теперь уже бывший муж, решил действовать вполне законно. Через милицию.

Апян посетил знакомого врача, взял справку о нанесении ему побоев средней тяжести, затем вызвал к себе своего адвоката.

Тот умело составил заявление в милицию, используя медицинскую справку и свидетельские показания Галины, охранников фирмы «Сигма» и личного водителя, также пострадавших от рук распоясавшегося хулигана.

Не отреагировать на такое заявление правоохранительные органы не могли, поэтому на задержание Горелова была получена соответствующая санкция, а к дому Дмитрия вечером следующего дня прибыла группа захвата. Причем в заявлении о причастности Дмитрия к органам государственной безопасности не было сказано ни слова.

Горелов не знал, да и не мог знать, что в тот же вечер, немного опередив ОМОН, к его дому подъехал Яшкин, забравший, как и обещал другу, от Галины те вещи и компьютер, которые она выставила в прихожей. И купивший продуктов, о чем ранее, днем, попросила его мать Дмитрия Елизавета Владимировна.

Поэтому Влад и стал свидетелем того, как к подъезду его друга подкатил «воронок». Яшкин тут же оценил обстановку. И понял ее! Тем более милицейский патруль сопровождал черный «Мерседес».

Он встретил группу захвата у входа в подъезд. Зная, как действуют ребята из ОМОНа, получив приказ на задержание вооруженного лица, во избежание нанесения Елизавете Владимировне психологической травмы Влад преградил дорогу бойцам ОМОНа, предъявив их офицеру удостоверение сотрудника ФСБ и объяснив, что майор Горелов, на чье задержание была нацелена группа захвата, также является офицером безопасности. Мало того, он один из командиров секретного подразделения специального назначения Службы, ныне уже находящийся на Кавказе.

Капитан милиции созвонился со своим начальством, Яшкин позвонил генералу Веригину.

Через двадцать пять минут санкция на арест была отозвана, и бойцам ОМОНа пришлось убраться ни с чем.

Адвокат Карэна Апяна было возмутился, но после короткой и весьма убедительной беседы с Яшкиным понуро сел в «мерс» и укатил на нем следом за милицией.

Полуночью Веригин потребовал от майора подробности произошедшего накануне инцидента. Влад не стал ничего скрывать. Да и бесполезно это было. После чего Управление Z ФСБ официально запросило и получило в свое распоряжение дело о хулиганском поступке офицера безопасности. Веригин передал его начальнику отдела собственных расследований, своему старинному другу генералу Лепендину, попросив положить дело под сукно, а со своим подчиненным пообещал разобраться сам. Лепендин понял товарища, и дело Горелова тихо затерялось среди многочисленной бухгалтерии отдела. А Яшкин посчитал далеко не лишним установить за квартирой Гореловых внешнее наблюдение.

Но всего этого не знал Дмитрий, находясь сейчас на площадке перевала. Не знал, а потому и переживал. Хотя время личных переживаний таяло с каждой минутой. Впереди его ждал бой. А значит, он был обязан подчинить себя только схватке. На это, посмотрев на часы, и начал настраивать себя майор.

Богаев поднялся, подошел к расщелине, сказал:

– Пора, командир! Подниматься по одному, но компактно, чтобы, не дай аллах, кто-нибудь, сорвавшись, своим весом не сбил идущих за ним людей вниз! Пространства набрать скорости падения быть не должно, а посему: голова следом за каблуком впередиидущего! Подъем «пауком»!

Этот Богаев неплохо разбирался в терминологии спецназа. Под «пауком» подразумевалось движение вверх при помощи всех четырех конечностей человека. Который должен был, распластавшись меж отвесных стен этого каменного колодца, выбрасывать вперед одну руку, зацепляясь за камень или трещину, укрепляться, затем подтягивать ногу, и только после

этого подтягивать все тело, не теряя опоры в двух точках. А группа в целом должна была проводить такой маневр синхронно. Она уже отработывала такой вариант подъема, поэтому очень медленно, но достаточно уверенно, без сбоев, подчиненные майора Горелова втянулись в расщелину. Своеобразной фалангой они начали подъем.

Дмитрий подумал – если их заманили в засаду, то уничтожат здесь, в расщелине, или попытаются взять живыми на выходе из нее. Но это у бандитов не выйдет. Взрыв гранаты сорвет планы пленения. Его группу можно уничтожить, но захватить в плен нельзя, не причинив такой вред, при котором бойцы физически не смогли бы подорвать себя. И на это были настроены все спецы «Вихря»! Но предусмотреть страховку на случай ожидания группы бандитами на выходе не помешает. Богаеву стоит выбраться первым, откатиться от расщелины, и даже один крупный брошенный камень увлечет всю группу вниз. Это при варианте уничтожения спецов. При захвате – тот же маневр Богаева и брошенные вниз канаты с крюками для вытягивания бойцов наверх. Кто-то из ребят рванет кольцо гранаты, но ему, Горелову, это не удастся сделать. И он при гибели своей группы окажется в плену, лишенный сознания на выходе вслед за Богаевым! И группа Лукина окажется в капкане, ей останется отбиваться среди трупов гореловцев, отсеченными и от тропы, и от расщелины. Не в этом ли дьявольский план Кулана? И все же нет! Невыгодно главарю банды нападение на спецназ! Этим он полностью раскрывает себя, свое присутствие в этом районе, из которого, узнай об этом командование федеральных сил, уйти ему уже не дадут! Но в целях перестраховки возможности чеченцу свободно выбраться одному из расщелины дать нельзя!

К этому времени группа почти достигла выхода из расщелины. Богаев был в метре от выхода и уже готовился к последнему шагу, как его остановил приказ Горелова:

– Стоять, Богаев!

И тут же, напрягшись, Дмитрий рывком сблизился с проводником. Тот еле удержался, остановленный в неудобном месте:

– Ты что, майор! Нельзя останавливаться, выходить надо!

– Сейчас выйдем, погоди секунду. – Горелов выдернул из-за пояса гранату «Ф-1». – Учти, Кара, если нас ждут на выходе, то от взрыва лягут многие, ты в числе первых!

– Плевал я на твою гранату! Под тобой люди висят на кончиках пальцев! – повысил голос Богаев.

– Вперед, Кара, я следом, выходим!

– Ну, ты... майор... и!.. – Проводник не завершил фразы. Горелов подтолкнул его:

– Пошел! Встаешь у выхода так, чтобы я тебя видел!

Богаев выбрался из трещины, встал там, где ему указал майор.

Горелов выбрался и тут же перекатился к близлежащему валуну, приведя в готовность свой «ВАЛ». Оттуда быстрым, цепким взглядом осмотрел округу, направляя ствол автомата в сторону проводника.

За несколько минут из каменной расщелины выбрались все его бойцы. Они так же, как и внизу на площадке, без дополнительной команды рассредоточились вокруг выхода, образовав кольцо круговой обороны.

Кроме бойцов Горелова, на вершине никого не было, по крайней мере, на расстоянии прямой видимости. Дмитрий подошел к Богаеву:

– По-моему, Кара, ты что-то хотел мне сказать перед выходом? – спросил майор.

– А ты, парень, профессионал, к тому же отчаянный! Не дал проводнику оторваться, клещом вцепился. Действовал рискованно, но правильно! Только так, если бы вас здесь ждала засада, ты смог бы вывести людей из расщелины, только так! Сам обстановку просчитал? Или этому уже учат?

– Какая разница, Кара?

– Нас в свое время этому не учили.

- Сам знаешь, все течет, все изменяется! Что дальше, проводник?
- Привал! Пусть люди, где залегли, там и отдохнут. Ну а потом – спуск!
- Надеюсь, не по расщелине?
- Нет! Взгляни на склон. Спуск будет намного легче.

Богаев оказался прав. После получасового отдыха группа спустилась легко, перед этим закрепив и сбросив в пройденную расщелину трос, дабы облегчить и обезопасить подъем группы майора Лукина, идущей следом.

Хотя и говорят, что спуск в горах тяжелее подъема, это не совсем так. Все зависит от местности. И если на путь вверх бойцам «Вихря» потребовалось более двух часов, считая привалы, то спустились они за полчаса. Растянувшись в цепь, однако сохраняя при этом структуру группы – боевыми двойками.

Дно ущелья в этом месте было ровным, лишь кое-где хаотически разбросаны каменные глыбы, сорвавшиеся со склонов перевалов, но в основном ближе к противоположной стороне, у неширокой, мелкой, но быстрой речушки, носившей, как и аул, название Гуни. На участке временной дислокации ширина дна ущелья составляла от пятидесяти до ста метров. Растительности не было. Ущелье хорошо просматривалось через бинокль и оптику винтовок. Посторонних, на удалении до километра, ни на дне, ни на склонах в обоих направлениях замечено не было.

Майор Горелов приказал:

– Группа! Всем ко мне!

Офицеры и прапорщики подошли к командиру.

– Движение по ущелью походное, обычное, за исключением порядка построения, двойкам идти в шахматном порядке. Замыкающей разделиться и двигаться в арьергарде вдоль склона и реки. Наблюдение и контроль тыла. Внутренним – так же, вдоль склонов, контролируя противоположные от себя стороны, я с проводником впереди. Меня страшит Бунин. Дистанция прямого контакта, но не ближе ста метров, если позволит рельеф этого каменного мешка. Начало движения по моей команде, а пока оправиться и приготовить весь арсенал к отражению возможной атаки противника. Разойдись!

Горелов отошел к реке, вызвал Лукина:

– Ты на вершине?

– Да, черт бы побрал эту расщелину, хорошо, что ты догадался трос сбросить! Ума не приложу, как вам удалось подняться!

– Там и оставайся! Укройся, жди отряд Кулана, пропусти его. После доклада мне следуй за замыканием противника, не вступая в контакт.

– Мне не отсекать его?

– Пока не знаю! Окончательное решение сообщу позже, начинаю движение по ущелью.

При получении тревожного сигнала...

– Знаю, Дима, все знаю. Тут же иду к тебе!

– Соображаешь!

– Как учили.

– До связи, Эфа-2!

– Счастливого пути!

Вернувшись к Богаеву, Горелов сказал:

– Ну что, Кара, идем к твоим пещерам?

– Вы были на связи с командиром?

– Ты считаешь, я должен отчитываться перед тобой? – спросил Дмитрий.

– Нет, конечно! Но если вы решили применить большие силы, то лучше мне об этом знать. Мы сменим тактику, исходя из численности отряда, отправленного на Кулана.

– Кара! Менять ли тактику, следовать ли твоим советам или действовать самостоятельно, буду решать только я, запомни это! Твоя задача – вывести группу на Гуни и дать на местности ответы на те вопросы, которые у меня возникнут. Уяснил?

– Уяснил.

– Вот и хорошо, веди в пещеры.

– Я готов.

Горелов коротко приказал:

– Группа, за мной, вперед!

Диверсионно-штурмовое подразделение, разойдясь согласно распоряжению майора Горелова, начало марш.

Часы показывали 9-52.

А на удалении в десять километров, южнее, по тому же ущелью в сторону Гуни продвигался передовой дозор полевого командира Кулан-Бека! Десять человек на двух открытых автомобилях «УАЗ-469». Сам главарь банды находился в основной, численностью в двадцать пять штыков, группе своих боевиков, преимущественно афганских наемников. Кулан с ближайшей охраной ехал на джипе, его моджахеды на грузовом «ГАЗ-66». Замыкал колонну арьергард в составе пятнадцати человек, используя три «УАЗа». Двигались бандиты медленно, пять-семь километров в час, соблюдая дистанцию прямого визуального контакта, внимательно следя за окружающей местностью. Встреча у Кадыра была назначена на 14-00, поэтому Кулан не спешил, да и ущелье не способствовало более скорому передвижению. Он постоянно связывался по рации с аулом. Ближайшие подходы к дому Кадыра были под контролем. Горные посты на склонах спускающихся к селению хребтов контролировали дальние подходы, соседний аул Арас. В «зеленках» с запада и востока также были бойцы Кадыра. Место встречи заблокировано, как всегда, когда в Гуни заезжал Кулан.

Опасности Кулан-Бек не ощущал. Он знал, что спецназ ищет его с Джумой в глубине гор, а они тут, почти в долине. Пусть ищут! Кулану надо забрать своих раненых, продовольствие, дожидаться друга, который, пощипав часть своих сил аргунские блокпосты, с отборными силами прибудет к Кулану в Гуни.

Ну а потом подойдут остальные сотни! И Кулан-Бек с Джумой-Бандитом пятью сотнями пойдут на райцентр. С задачей выбить оттуда русских, провести свой короткий суд над теми, кто продался гяурам, и ночью уйти в горы, разбившись вновь на мелкие отряды. Показав тем самым, что на этой земли они, Кулан и Джума, истинные хозяева. А не какой-то там Масхадов со своим разрозненным и полным противоречий, кочующим штабом! Только Кулан и Джума способны, при поддержке извне, естественно, эффективно воевать с армейскими подразделениями федералов, затягивая эту кому-то очень выгодную бойню. А значит, и деньги, и оружие, и власть перейдут к ним. Они, Кулан и Джума, должны возглавить священный джихад.

Прикурив косяк отборной анаши, Кулан-Бек расслабился в сладостных размышлениях. Ко всему прочему в одном доме в Гуни, в семье бывшего учителя, подросла и распустилась прекрасным бутонем молоденькая Айни! Пора познать и ее ласки. И забрать с собой. Все и все должны служить защитникам истинного ислама! Их воля – закон! Так будет вечно! А он, Кулан, – Хозяин! Пока еще селений горного юга и деля власть с Джумой, но так будет не вечно! Дорогой друг свободно может стать жертвой случайной пули или острого клинка убийцы-наемника. От этого никто не застрахован, береги его, аллах! Сейчас Джума нужен Кулану. Нужны его отряды, его наемники, его опыт, авторитет, его связи. А вот потом? Потом да пусть будет так, как угодно всевышнему!

Через два часа ущелье сузилось метров до тридцати, река заняла половину дна, суша покрылась сплошными каменными завалами. Горелов, шедший с Богаевым, спросил:

- Кара, Кулан наверняка не пешком следует в Гуни?
- Вы правы, у Бека машины.
- Как же он тут пройдет на них? Или будет расчищать дорогу?
- Думаете здесь устроить ему засаду?
- Я спросил, будь любезен ответить!
- А вы, майор, не видите дороги? Присмотритесь лучше!

Дмитрий последовал совету проводника. И действительно, среди, казалось бы, хаотического нагромождения камней просматривалась, если быть предельно внимательным, узкая, зигзагообразная полоса свободного пространства, иногда уходящего в реку, чтобы через какие-нибудь полсотни метров вновь вынырнуть на сушу.

– Понятно! – проговорил майор. – Но особо здесь не разгонишься.

– В ущелье нигде не разгонишься, поэтому, если верить той информации, какой владею я, Бек от нас в двух часах пути сзади и движется примерно так же, как и мы. Я имею в виду по времени. Хотя и незначительно сокращая фору. Мы успеем добраться до аула раньше Кулана, а Байрам в пещерах сообщит нам о тех событиях, которые произошли за время моего отсутствия.

- Как же его отары? Или он пасет их в ущелье?
- Нет, с отарами его дети. Байрам же будет ждать нас в пещерах.
- Ну, посмотрим!

К пещерам подошли через час, около одиннадцати часов.

Они являлись основаниями широкой скалы, гордо возвышающейся над всем Малым Гунинским хребтом. Состояли пещеры из трех темных проемов, в ближайшем угадывалась одинокая фигура человека.

На эту фигуру указал проводнику Дмитрий.

- Байрам?
- Да, это он. Байрам! – крикнул Богаев. – Выходи, все в порядке!

Из пещеры вышел пожилой горец в национальной одежде. Он пошел навстречу Богаеву с Гореловым.

Майор тут же передал группе команду «Контакт! Готовность полная!».

Бойцы двоек мгновенно залегли там, где их застала команда, в готовности к немедленным действиям.

Прапорщик Бунин – непосредственное прикрытие командира – ушел в сторону и занял позицию за валуном, взяв в прицел «Бизона» приближающегося от скалы чеченца.

Чабан подошел к Горелову и Богаеву.

– Салам, Байрам, – первым поздоровался с ним проводник. Дима кивнул головой в знак приветствия.

Дмитрий отдал приказ подчиненным – под прикрытием осмотреть пещеры.

- Да пусты они, не знаю, как к вам обращаться, – сказал Байрам.
- Называй офицера просто майором, друг мой, – подсказал чабану Богаев.
- В пещерах никого нет, майор, я только оттуда! – вновь заверил Дмитрия Байрам и тут же проговорил с оттенком укора: – Вы не доверяете нам?

Горелов ответил:

– Если бы не доверяли, то группы здесь не было бы. Но мы делаем то, что считаем нужным.

Боевые двойки старших лейтенантов Игоря Семенова и Юрия Зайцева, проверив пещеры, одновременно вышли из них, доложили:

- Все чисто, командир.

– Вернуться на позиции, ожидать команды! Бунин, за мной!

Горелов, а следом и прапорщик Бунин, Кара и Байрам вошли в проем одной из пещер.

Чабан посоветовал:

– Вы бы, майор, людей от дождя спрятали. Вновь, шайтан его возьми, начался!

– Кара! – не обращая внимания на совет Байрама, обратился к Богаеву Горелов. – Ты обещал здесь изложить свой план уничтожения Кулана. Давай, я слушаю!

– Для этого мне необходимо набросать схему аула.

– Вот тебе карта, – достал из планшета подробную карту района майор. – Смотри второй лист, на нем Гуни с Арасом и местностью радиусом километров пять. Читать подобные документы не разучился?

– Нет. Вам придется немного подождать.

– Работай, а мы пока с Байрамом поговорим.

Горелов с чабаном отошли в сторону.

– Итак, Байрам, Богаев про свои беды нам рассказал. Поведай, что у тебя за счет к Кулан-Беку!

– Он увел мою дочь! Забрал в свой гарем!

– Гарем? И где находится этот гарем?

– Да в каждом ауле. Он своих жен держит почти по всему югу. Куда заедет, той женой и пользуется! Надоест или сделает женщина что-нибудь не так, он ее своим наемникам отдает, а себе берет где-нибудь новую, помоложе и послушней.

– Не понимаю! Вы, горцы, народ гордый. У вас повсюду распространена кровная месть. В аулах полно мужчин, а женщин своих защитить не можете? Объясни, что за парадокс?

– Тут и объяснять нечего. Большинство мужчин подчинены Кулану. Он дает им «траву», денег в долг, но в основном за наркотик мужчины слушаются его. И из-за страха! Он же в любой аул приезжает с бандой не меньше чем пятьдесят вооруженных голов. Чем мужчинам аула ответить Кулану?

– Тогда мне вообще ничего не понятно. Получается, за наркоту и бабки этот подонок забирает женщин? Вы ему продаете их?

– Нет, тех, кто служит на него, Кулан-Бек не трогает. Он грабит, насилует, убивает тех, кто не желает перед ним стелиться.

– Что, и такие есть?

– Уже почти нет! Кадыр говорил, что Кулан присмотрел дочь бывшего учителя, Айну, и намерен забрать ее. Учитель никогда не служил бандиту, поэтому вечером должна произойти трагедия. Кулан будет забирать Айну, зная, что тот окажет ему сопротивление. Тогда проклятый Кулан потешится! Он лично вырежет всю семью учителя. Устроит кровавый спектакль перед всем аулом. Ночь проведет с Айной. А наутро выбросит ее наемникам. Род учителя перестанет существовать.

– Ну, это мы еще посмотрим, как бандит претворит свой план в жизнь. Кара! Ты готов? – спросил Горелов Богаева, закончив разговор с чабаном.

– Да, майор, я готов изложить свой план, а Байрам уточнит его.

– Добро!

Майор вызвал командиров двоек в пещеры.

Вскоре над картой склонились шесть человек.

– Докладывай, Кара!

– Значит, так...

Богаев подробно рассказал, как он видит действия группы после того, как она займет указанные им позиции, при входе банды в Гуни. Офицеры слушали внимательно, анализируя обстановку и план чеченца.

Глава 6

Чечня. Пещеры в ущелье

Он был прост.

Аул Гуни находился у самого входа в ущелье. Большой и Малый хребты обрывались у селения отвесными скалами, дальнейшего продолжения не имея. Частью зажатый хребтами, частью находящийся на плато, окруженный лесным массивом, из которого с запада начинал подъем Аракский хребет, аул имел открытое пространство на север к селению Арас и выход на обширную долину. Зеленую равнину, служившую пастбищем для скота.

Дом Кадыра находился в самом ущелье, на некотором удалении от остальных домов аула, и представлял собой хорошо укрепленный опорный пункт. Но с вершин хребтов был как на ладони. Отсюда, сверху, и предлагал Богаев нанести удар по Кулан-Беку, когда тот появится у стен дома. Огонь со склонов нанесет непоправимый урон и силам сопровождения Кулана, которые сгруппируются на небольшом пространстве. Уничтожив Кулана и большую часть его отряда, группа майора может уходить по хребтам, до места расщелины на Малом перевале. Деморализованная и дезорганизованная банда Кулан-Бека на преследование не решится, и майор спокойно уведет своих людей за перевал к роще, где они и встретились.

Закончив речь, Кара предложил выслушать друга-чабана.

Горелов разрешил:

– Говори теперь ты, Байрам.

– Кара сказал все правильно, только хочу добавить, что Кадыр, зная, что уязвим сверху, установил на хребтах две огневые позиции. В каждой пулемет и четыре человека, у всех еще и автоматы.

– Подступы с хребта к позициям минированы? – спросил Горелов.

– Нет! Точно нет! Я ходил рядом, они бы предупредили.

– Что еще?

– Еще десять человек Кадыр отправил утром на западную окраину в буковую рощу.

Чабан указал на карте «зеленку», к которой вскоре должна выйти группа Васина. Продолжил:

– Ни Кадыр, ни Кулан не могут ожидать нападения федералов...

– И поэтому перекрывают все подходы к аулу? – не дав договорить Байраму, вопросом прервал его Дмитрий.

– Ну не все они перекрывают! Выход на пастбище свободен, дорога к Арасу тоже.

– У вас, Кара, все?

– Да! Это все.

– Тогда поступаем следующим образом: группа делится на два отделения, первым командую я, вторым – старший лейтенант Семенов. Богаев, ты выводешь меня на позицию Большого хребта, Байрам делает то же самое с отделением Семенова на Малом хребте. После нейтрализации позиций уходите. Дальше начнется наша работа. Какие будут вопросы?

Вопросов не последовало.

– Внимание, собраться в отделения, через пять минут подъем по двум направлениям. Вперед!

Группа, разделившись на два отделения, пройдя узкую часть ущелья, вышла на более широкое пространство и тут же начала подъем на хребты.

Пропустив своих бойцов, Горелов вызвал Васина.

– Эфа-3 на связи!

– Слушай меня внимательно! Маршрут твой обрезается. В «зеленке», куда ты должен был выйти по плану, будет размещен небольшой, прикрывающий главный объект отряд боевиков. Поэтому заканчиваешь марш, не доходя лесного массива за километр. Далее, рассредоточившись, скрытно сближаешься с «зеленкой». Тебя там не ждут! Должен подойти на расстояние прямого огневого контакта. На рубеже действия замереть, ждать команды!

– Все понял, командир.

– Давай, ползи дальше, Эфа!

– Что и делаю, Дима!

В 12–10 Лукин доложил, что по ущелью прошла колонна боевиков, сначала передовой дозор, затем основной отряд и арьергард. Все шло по графику и плану!

Сравнительно легко поднявшись по склону, отделение Горелова устроило привал.

Дмитрий навел оптику на противоположный хребет. Отделение Семенова уже находилось на вершине, также следя за действиями своих собратьев по оружию через ущелье. Все в порядке. Ждут ребята, когда он, Горелов, двинется дальше, чтобы сохранить синхронность при сближении с вражескими позициями и атаковать их одновременно.

Ровно через пять минут Дмитрий отдал команду на продолжение марша. На противоположном хребте выдвинулось и отделение Семенова.

Пробирались среди камней узкой вершины около получаса. Затем Богаев остановил марш, обратившись к Горелову:

– Майор! Видите, хребет пошел вниз и валун впереди?

– Вижу.

– За валуном открытое пространство, вершина расширяется перед тем, как обрушиться вниз отвесной скалой. Метрах в ста от него – пост.

Майор внимательно осмотрел соседний склон, спросив у проводника:

– С противоположной стороны нас видно?

– Нет, мы выше! – ответил Богаев.

Майор поднял руку. Отделение остановилось. Горелов вызвал Семенова:

– Игорь, я – Первый!

– Слушаю!

– Местонахождение поста вашего направления тебе известно?

– Да.

– Через пять минут – атака. Одного из караула брать живым!

– Понял!

Дмитрий подозвал к себе Богаева:

– Слушай, Кара, что в ближайшие минуты тебе предстоит сделать...

Когда Богаев отошел от майора, Горелов вывел отделение к валуну.

– Ну, мужики, действуем по моей команде, каждый берет на себя духа слева направо, последний мой. Только один выстрел! Приготовились!

Подняв вверх «винторезы», отделение Горелова выстроилось в колонну вдоль валуна.

Дмитрий, стоявший впереди, посмотрел на часы, до атаки оставалось три минуты. Он кивнул Богаеву:

– Пошел, Кара!

Чеченец вышел из-за валуна, что сразу встряхнуло часовых поста. Раздались команды:

– Стой! Кто идет?

– Кара Богаев из Араса, не узнали?

– А что ты тут делаешь, Кара?

Горелов через трещину наблюдал за позицией боевиков и видел того, кто допрашивал Богаева. Кара тем временем отвечал:

- Да ищу чабана – Байрама, не видали его?
- Ходил с утра Байрам туда-сюда, потом по хребту ушел, откуда ты появился.
- Наверное, в ущелье спустился. Иначе встретились бы.

Боевики, взявшие всей четверткой под прицел неожиданно появившегося Богаева, поняв, что угроза отсутствует, отвели стволы своего оружия в сторону.

И тут Кара упал, схватившись рукой за левую сторону груди.

- Эй, Кара? Ты что? – бандиты приподнялись из-за мешков с песком.

В это время и вышло из-за валуна отделение Горелова.

Раздались четыре хлопка, и трое часовых, пораженные в головы, опрокинулись кто назад, за мешки, кто повис на оборонительном навале. Только тот бородач, что разговаривал с Богаевым, поднял автомат, тут же выбитый из рук точным выстрелом Горелова. Чеченец метнулся к пулемету, но перед ним выросли фонтанчики пыли от пуль, выпущенных отделением. Бородач упал за мешки. Горелов, преодолев стометровку, вскочил на навал, навел ствол на пытающегося достать оружие боевика:

- Замер, сука, мордой вниз, руки за спину, быстро!

Подбежавшие подчиненные сцепили руки бородача наручниками, бросили того в угол. Затем выбросили из позиции трупы часовых.

Горелов подозвал к себе вставшего с камней и отряхнувшегося от пыли Богаева:

– Кара! Оттащи тела боевиков в сторону и уходи, твоя миссия выполнена, теперь очередь нашей работе!

Богаев выполнил приказание майора, пожелал удачи, скрылся за камнями и пошел по тропе, ведущей в сторону склона, на пастбище.

Дима направил оптический прицел на позицию противоположного хребта, которая отсюда была видна верхним бревном бруствера.

И увидел в глубине позиции старшего лейтенанта Семенова. Игорь поднял вверх скрещенные руки. Порядок! Пост снят! Человек для возможной связи поста с домом Кадыра захвачен.

- Вот так! – проговорил Горелов. – Пока все по плану!

Теперь осталось осмотреть местность внизу и ждать.

Ждать подхода стаи кровавого Кулан-Бека.

Время было 13–30.

После беглого осмотра театра предстоящих боевых действий Горелов перевел все свое внимание на ущелье.

Скоро должен появиться головной дозор Кулана.

И он появился через десять минут. Ворота усадьбы Кадыра распахнулись, навстречу машинам вышел пожилой чеченец в дорогом национальном одеянии и в сопровождении трех крупных парней явно европейской внешности.

Хозяин дома дождался, когда из «УАЗа» вылез старший дозора, одетый, как и все боевики, в камуфлированную форму, но, в отличие от других, имеющий нашивку на плече. Что-то типа погона. Горцы по своему обычаю обнялись, видимо, знали друг друга.

Затем этот, с погоном, поднес ко рту рацию, что-то коротко бросил в эфир.

Ровно в четырнадцать часов подошла основная группа. Джип проехал во внутренний двор, остановился у самого входа в дом. Туда же послушным слугой поспешил Кадыр. Из иномарки вышел Кулан-Бек, его хорошо рассмотрел Горелов.

– Так! – вновь проговорил майор. – Заявился головорез в капкан. Что же, это просто отлично. Валера! – обратился Дима к Бунину. – Видишь Кулана?

– Вижу! – ответил прапорщик, так же смотрящий на двор через прицел своей мощной «СВДС».

Видеокамера работала, фиксируя все, что происходит внизу.

Бунин предложил:

– Командир, может, прямо сейчас завалить эту тварь, Кулана? Я готов!

– Завалить? Нет, Валера, я его живым брать буду!

Прапорщик оторвался от прицела, с удивлением глядя на Горелова. Спросил:

– Ты в порядке, майор? По заданию мы должны ликвидировать Бека. Опять под пули рвешься? Случилось что?

– Нет, Валера, сейчас я в полном порядке, но Кулана буду брать живым! И отставить разговоры, наблюдать за обстановкой!

Прапорщик покачал головой и молча приник к прицелу.

Обстановка изменилась лишь тем, что Кулан-Бек с хозяином и несколькими приближенными лицами охраны вошли в дом, а к усадьбе подъехал арьергард.

Тут же последовали доклады Лукина и Васина. Они сообщали, что вышли на рубежи действия.

– Так, ребята, план меняется. Слушайте приказ. Капитану Васину с группой атаковать бандитов в «зеленке» с запада и заблокировать дом Кадыра со стороны аула. Лукину то же самое из ущелья. Отделению Семенова после проведения массированного обстрела усадьбы спуститься вниз метров на пятьдесят, рассредоточившись на склоне, продолжать выборочный огонь по принципу «выстрел – дух»! Своим дам задачу сам. Первоначальная цель – выбить как можно больше боевиков. Огневой налет продолжать до моего сигнала. После него группам Лукина и Васина быть в готовности произвести штурм. Я пойду внутрь усадьбы на захват Кулана с восточной стороны. Все! Вопросы, касающиеся захвата главаря бандитов, не принимаю, в остальном готов быстро выслушать всех! Нет вопросов? Отлично! Сигнал к общим действиям, огонь по усадьбе со склонов!

Горелов отключил рацию. Обратился к своей четверке:

– Приготовить переносные многозарядные гранатометы, заряды кумулятивные и осколочные. После трех залпов всем вниз по тропе, вон до той площадки, – Горелов указал бойцам участок на местности, – с нее старшему лейтенанту Зайцеву закрыть выход на пастбища. Давить гадину будем в ее гнезде! Все всё усвоили? Бунин, будешь лично прикрывать меня!

– Командир...

– Я все сказал, прапорщик!

Дима прильнул к прицелу своего «винтореза».

Замыкающая колонна боевиков, оставив «УАЗы» в общей куче машин, всем составом зашла во двор. Горелов взглянул на часы: 14–20. Пора!

– Внимание, первая группа, из всех видов вооружения по противнику внизу залпом, огонь!

С обоих склонов ударили гранатометы и снайперские винтовки.

Кумулятивные заряды, направленные в зарешеченные окна, прожигали решетки и взрывались внутри, создавая на месте разрыва огромную температуру и давление. Били по первому этажу, отрезая Кулану путь к отступлению. Перед тем, как отдать приказ на огневой налет, Горелов отчетливо видел главаря банды с Кадыром в гостевой зале на втором этаже.

«АГС-30» Семенова накрыл автоматическим огнем весь двор. Осколочные гранаты рвались среди толпы, валя бандитов, как снопы. Немалую роль сыграл беглый огонь снайперов. В итоге после массированного налета была выбита большая часть личного состава Кулана и Кадыра. Бойцы первой группы начали запланированный спуск с обоих склонов. Этот маневр был просчитан и обоснован. Боевики, оставшиеся в живых, зафиксировали то, что огонь по ним ведется с их же горных позиций, и открыли по ним шквальный огонь, разрывая в клочья мешки, набитые песком. Большого вреда этот обстрел никому причинить не мог. Передышка для боевиков, вызванная маневром группы Горелова, не затянулась, так как смявшая противника в «зеленке» группа капитана Васина, получившего приказ на штурм,

вышла на расстояние прямого контакта со зданием. Из станковых гранатометов она разнесла северную и западную часть каменного забора и перенесла губительный огонь на задний двор. Группа Лукина, также начавшая штурм, разнеся ворота и часть забора, вела выборочный снайперский огонь.

Отделения Горелова и Семенова, заняв новые позиции, опять вступили в бой. По интенсивности ответного огня стало ясно, что силы противника стремительно тают.

Нетронутым, согласно приказу Горелова, оставался второй этаж.

Горелов бросил в эфир:

– Иду на Бека!

Зарядив многозарядный гранатомет «РГ-94» тремя осколочными гранатами, имея за спиной пистолет-пулемет «бизон-3», а в кармане комбинезона бронебойный пистолет «гюрза», Дмитрий сорвался с места и проскочил до забора, до его восточной, нетронутой, части незамеченным. Так как в это же время прапорщик Бунин, прикрывающий командира, открыл по окнам второго этажа огонь из своей снайперской винтовки.

Горелов перепрыгнул через забор.

Огонь по объекту со всех сторон тут же прекратился.

Чтобы возобновиться с новой силой, когда Дмитрий нырком прыгнул в развороченный попаданием гранаты проем окна.

Очувтившись в небольшой комнате, он с пола дал несколько очередей по периметру из «бизона». Комната оказалась пуста, лишь возле стены валялись тела, два мужских и одно женское, изуродованные кумулятивным взрывом.

Дмитрий снял с пояса две гранаты, выбив ногой дверь, метнул их в разные стороны, укрывшись от осколков за стеной. Как только визг осколков смолк, он так же нырком прыгнул в следующее помещение.

Гарью затянуло всю комнату, но Дима различил трупы и здесь, а в углу поднимающуюся вверх винтовую лестницу.

Оттуда, изнутри, раздалась автоматная очередь.

Бил стрелок наугад, не видя противника. Но вспышки его «АК-74» заметил Горелов. Он ударил по этим вспышкам из гранатомета. Взрыв сбросил тело стрелка вниз. Под грохот и дым, достав «гюрзу», в другой руке держа «бизон», Горелов начал подъем по лестнице. Сбоку на полу что-то зашевелилось, Дима тут же дал бесшумную очередь из «бизона».

Поднимался он медленно, понимая, что на втором этаже остались невредимыми по меньшей мере человек шесть, вооруженных, готовых к бою.

Один виток, другой, третий...

Перед ним вход.

И тут под ноги майору неслышно выкатилась граната.

Инстинктивно Горелов сбросил ее вниз и под грохот взрыва, сорвавшего лестницу, прыгнул в залу, ведя ураганный огонь из своего шестидесятичетырехзарядного пистолета-пулемета.

Раздались вскрики боли, звуки падающих на паркет тел. Сбоку у окна Дмитрий заметил огромный сундук, перекатился за него.

По майору никто не выстрелил, хотя движение его не могло остаться незамеченным. Неужели поражены все?

Только не это! Лишь бы не этот шакал Кулан-Бек. Стоило тогда идти под пули?

Поднявшийся на улице сильный ветер быстро вытянул дым из разбитых окон.

Горелов посмотрел на магазин «бизона». Черные контрольные отверстия показывали, что две трети запаса он расстрелял. Но у Димы оставался еще гранатомет и, главное, «гюрза».

В комнате вместе со стоном раздался шорох.

Бездействовать дальше нельзя, надо заканчивать работу. Все же он в бронекостюме и бронешлеме, в худшем случае получит болевой шок, если, конечно, не влупят в упор из подствольника. Тогда никакая защита не поможет. Да и черт с ним, значит, судьба такая ему!

Горелов встал из-за сундука во весь рост.

Перед ним лежало несколько трупов, далее двое раненых, один из них Кадыр. Тот, с вывороченными кишками, безумными глазами уставился в потолок. Второй, раненный в ноги, тянулся к автомату. И этим вторым был Кулан-Бек! Ему оставались считанные сантиметры до приклада автомата. Горелов выстрелил из «гюрзы», автомат, пробитый насквозь, отлетел к стене.

Дмитрий пошел к Кулану, и... только интуиция опытного бойца позволила ему почувствовать опасность. И упасть в тот момент, когда один из «трупов» выстрелил из подствольного гранатомета в спину Горелова.

Граната прошла через всю комнату и вылетела в окно, взорвавшись где-то в ауле. Дима выстрелил в стрелка бронебойной пулей. Она попала боевику в шею, оторвав голову.

Тело-обрубок отлетело к дверному проему лестницы и рухнуло вниз.

Горелов поднял валяющийся рядом автомат бандитов, дал по короткой очереди в каждый труп, а также в Кадыра, обрывая его мучения.

Остался один раненый Кулан, который перевернулся на спину, пытаясь что-то достать из-под халата.

Горелов присел перед ним, ждал.

Искаженное ненавистью лицо смотрело на него. Запекшимся от крови ртом главарь банды прошипел:

– Ты сдохнешь со мной, гяур!

Дмитрий резко просунул руку под халат и перехватил зажатую в ладони Кулана гранату. Вытащил ее, разжав жирные, но слабые пальцы бандита, засунул себе в специальный пояс.

– Ошибся ты, Кулан! Подыхать будешь в гордом одиночестве. Где-нибудь в закрытой от всего мира камере. Если, конечно, доживешь до нее.

Бандит грязно выругался, плюнув кровавой слюной в сторону Горелова.

Дима посмотрел на плевков, его не задевший, вызвал командиров всех подразделений:

– Внимание, на связи командир! Кулан-Бек захвачен! Доложите обстановку вне здания.

– Я – Эфа-2! Отработали свое направление полностью!

– На связи Эфа-3, поставленная задача выполнена!

– Я – Семенов! Держу под контролем подходы к дому. Во дворе живых не наблюдаю!

– Я – Зайцев! Блокирую выход на пастбище и пространство между аулами. Все спокойно!

– Хорошо! Оставаться на местах, часть личного состава, это касается тебя, Эфа-3, развернуть в сторону Араса. Не допустить прорыва бандитов оттуда, если они есть в ауле. Перестраховаться не помешает! Я докладываю командиру отряда и вызываю «вертушку». Да, Лукин, пришли в дом пару ребят с канатами. Надо спустить Кулана, он ранен, и мне спуститься, лестница разрушена.

– Понял, выполняю!

После доклада командиру «Вихря» подполковнику Кириллову не прошло и часа, как над Гуни и Арасом на предельно низкой высоте прошло звено вертолетов огневой поддержки «Ми-24М».

За домом Кадыра сел транспортный «Ми-8». Все три группы вошли на борт, прихватив с собой Кулан-Бека. Вертолет поднялся и пошел над ущельем. «Ми-24», развернувшись для прикрытия транспортного борта, поднявшись немного выше, проходя над домом Кадыра,

ударили «НУРСами» по скоплению техники бандитов. И, разойдясь веером, продолжили полет вслед за «Ми-8».

Байрам и Кара, как было оговорено ранее, остались в Гуни.

Их причастность к действиям спецназа против банды Кулан-Бека доказать никто не мог, так как свидетелей не осталось. Бандитов, оставленных Гореловым для возможной связи с домом Кадыра, уничтожили сами боевики своим огнем по позициям, где их так и оставили бойцы «Вихря».

Акция по уничтожению основных сил и нейтрализации самого Кулан-Бека была завершена. И это был большой успех спецслужб.

Нетрудно представить себе ярость Джумы-Бандита, когда он узнает о потере друга! Так думали многие. Но не все знали истинное положение дел в штабе самого Джумы. Вернее, в него был посвящен крайне ограниченный круг лиц. Да, он знал, что Кулан пошел в Гуни, да, он организовал имитацию нападения на российские блокпосты, отвлекая федералов от небольшого горного селения. И Джума заметно нервничал, не имея никакой информации из Гуни. Он ждал сеанса связи, но... не с другом и братом Куланом, а с... Карой Богаевым! Сеанса, который должен был положить начало новому отсчету времени в жизни и деятельности полевого командира непримиримых Джумы-Бандита, или обычного гражданина Российской Федерации, по паспорту Джумы Судаева!

Проводив взглядом улетающие вертолеты, Богаев приказал Байраму:

– Веди в дом!

Чабан беспрекословно подчинился.

Из виноградника Байрама Кара вызвал на связь Джуму:

– Хозяин? Богаев!

– Наконец, Кара, говори, как дела?

– С твоим другом несчастье! Русские разбили отряд Кулана вместе с домом Кадыра и его людьми. Самого Бека гяуры взяли живым!

– Ай, какое несчастье! – засмеялся Джума и продолжил: – Ты сделал свое дело хорошо, Кара, и получишь заслуженное поощрение сполна. Зачищай за собой следы и возвращайся. Где найти меня, знаешь. Я и твою семью доставлю туда же. Встретитесь. А потом... ну, об этом и поговорим потом. Жду тебя, Кара!

Связь отключилась. Бывший проводник задумался. Ему было о чем подумать. Но Кара заставил себя отвлечься от мыслей. Сначала надо довести дело до конца и узнать, что имел в виду Джума под фразой: «...А потом...»

Богаев прошел в дом, где его ждал Байрам.

– Я переночую у тебя, чабан. Утром уйду. Но смотри, чтобы никто не знал об этом! Насчет доли! Ее доставит тебе человек со стороны, представившись дальним родственником. Скоро!

– Понял, Кара. Выбирай комнату, любая для тебя!

– Я ночую в крайней, выходящей окном в виноградник. Сумку мою перенеси туда и готовь обед, проголодался я, как волк, за прошедшие сутки.

Байрам выполнил требования Кары, его жена постелила на пышную кошму мягкую постель. После сытного обеда Кара объявил, что идет отдыхать. Он закрылся в выбранной комнате. Семья же Байрама вместе с остальным населением аула собралась у разрушенного дома Кадыра.

Никто из селян толком и не понял, что здесь произошло. Только слышали шум боя, сразу закрывшись в своих домах, да грохот вертолетов, расстрелявших машины за разрушенной усадьбой. Кто свел счеты с Куланом и Кадыром? Кровники, которых у каждого было

в избытке? Или федеральные силы прищемили хвост местным баям? Что было более вероятно из-за появления боевых вертолетов армейской авиации, хотя они могли появиться и на посторонний бой, войсками не ведущийся. Короче, ничего конкретно объяснить не мог никто, хотя слухов хватало. Но сейчас было не до них, по крайней мере мужской половине аула. Мужчинам предстояло похоронить около сотни трупов. И сделать это до захода солнца, как требовали законы ислама.

А в отсутствие Байрама с семейством, находясь в одиночестве, Кара Богаев обошел все комнаты, оставив в каждой по небольшой коробочке с короткой антенной. Оставил в местах, где обнаружить их сразу было трудно. После этого Кара вернулся в свою комнату. Лег, не раздеваясь, на мягкое ложе, укрылся легким цветастым одеялом и спокойно, как ребенок, уснул.

Проснулся Богаев в два часа, когда все домочадцы, а их было пятеро – сам Байрам, его жена и трое малолетних детей – крепко спали. Он открыл окно, вылез на сторону виноградника, по нему и прошел до арыка. Потом рощей вышел на тропу, ведущую к Арасскому перевалу. Поднялся по хребту. Сверху посмотрел на Гуни, достал из сумки дистанционное устройство передачи радиосигналов, нажал левую клавишу.

Аул словно вздрогнул. А на месте, где секунду назад стоял добротный дом чабана Байрама, поднялось огненно-черное облако и раздался сильный взрыв, эхо от которого заметалось меж склонов ущелья. Богаев терпеливо подождал, пока пыль рассеется. Он увидел, что на месте жилища чабана зияла огромная, во весь бетонный парапет фундамента, черная дымящаяся воронка, в которой горели деревянные фрагменты здания. Вместе с разорванными на куски останками тел семьи Байрама.

Кара равнодушно посмотрел, как, словно улей, загудел проснувшийся и вновь ничего не понявший аул, повернулся, начал подъем. Дорогу к конечному пункту он знал хорошо.

Глава 7

Чечня. Место временной дислокации отряда особого назначения «Вихрь»

«Вертушка» доставила диверсионно-штурмовые группы Горелова, Лукина и Васина на вертолетную площадку отдельного мотострелкового батальона.

Первым из чрева «Ми-8» вышел Дмитрий.

Почти сразу же подъехал «УАЗ» командира отряда.

Майор Горелов, как положено, доложил подполковнику Кириллову о результатах акции.

Подполковник внимательно выслушал подчиненного, поздравил его с успешным выполнением задания, затем обошел строй групп, каждому пожал руку в знак благодарности.

Горелов приказал своим подчиненным следовать на отдых в расположение отряда, благо до него было недалеко, решил сам отправиться с ними, но был остановлен командиром:

– Майор Горелов, обожди! Поедешь со мной!

– Что-нибудь произошло?

– Не знаю. В штабе тебе письмо от матери, генерал передал с курьером. Да и подробный рапорт составить надо. Мне приказано сегодня же доложить подробности проведения акции. И отправить доклад вместе с плененным Кулан-Бекком генералу Петрову. На этой самой «вертушке», что доставила вас от Гуни.

– Как скажешь, Михалыч! Но знаешь, как и куда мне хочется послать всю эту бухгалтерию?

– Ты думаешь, у меня такого желания не возникало? Может, вместе и пошлем? А? Вот так и передадим открытым текстом генералу: а не шел бы он?

– Ладно, Михалыч, поехали писать бумаги, это я с устатку такой. Пройдет!

– Знаю, что устал, Дима, но надо.

– Так я тебе о том же! Поехали в твой штаб.

Горелов закурил, сделал несколько глубоких затяжек, выбросил окурочок, взобрался на высокое заднее сиденье командирского «УАЗа».

Через пять минут они с Кирилловым подъехали к штабной палатке.

Михалыч первым делом передал Горелову письмо матери, которое майор засунул в боковой карман к пистолету. Слава богу, сама написала, значит, жива! Остальное пустяки, прочтем позже.

Он сел за стол, подполковник выложил перед ним стопку стандартной бумаги, положил ручку и карту:

– Пиши так, чтобы твои действия были понятны штабистам, согласуя с картой района.

– С чего начать? С ночного экстренного совещания?

– Со встречи с проводником Карой Богаевым у роши.

– Понятно. И как Кулана брал, тоже описывать?

– Это особо! За такие дела Звездами Героя награждают, хотя у тебя уже есть одна, второй не дадут, но орден очередной, как пить дать, получишь! Все лишнее повод в Москву наведаться будет.

– И то правда.

Горелов склонился над столом. Это был не первый его рапорт по результатам акций. И он знал, как его составить. Подробно и кратко одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.